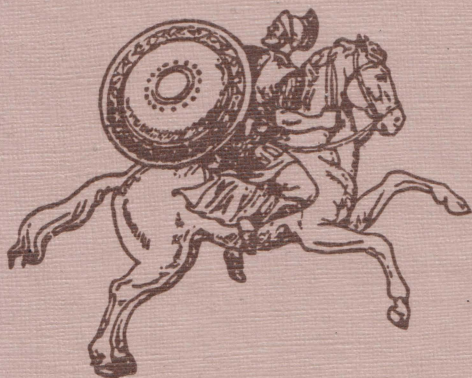

MILITARIA ANTIQUA

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА

ВОССТАВШИЕ РАБЫ
ПРОТИВ РИМСКИХ
ЛЕГИОНОВ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**MILITARIA
ANTIQUA**

XIV

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

ИДЕЯ СЕРИИ:

О. И. ТРОФИМОВА, В. П. НИКОНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Б. А. ЛИТВИНСКИЙ,
В. П. НИКОНОВ (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
Ю. С. ХУДЯКОВ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

В. А. Горончаровский

**СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА:
ВОСТАВШИЕ РАБЫ
ПРОТИВ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011**

УДК 355.48
ББК W35(0)323.4

Ответственный редактор серии:
кандидат исторических наук *В. П. Никоноров*

*Утверждено к печати Ученым Советом
Института истории материальной культуры РАН*

В. А. Горончаровский. Спартаковская война: восставшие рабы против римских легионов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. — 176 с. (Серия «Militaria Antiqua», XIV).

Книга представляет собой всестороннее исследование событий, связанных с потрясшим всю Италию в 73—71 гг. до н. э. восстанием под руководством Спартака. На основе широкого круга источников автор подробно анализирует данные литературной традиции о восстании с точки зрения военно-политической ситуации того времени. Рассматриваются вопросы, связанные с организационной структурой, вооружением, стратегией и тактикой армии Спартака, а также те усовершенствования, которые он внес в усвоенное им римское военное искусство. В ряде случаев дается возможная реконструкция хода сражений и критическая оценка сил противостоящих сторон.

Издание хорошо иллюстрировано и адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся историей и военным делом античного мира.

ISBN 978-5-85803-428-5

© В. А. Горончаровский, 2011

© Петербургское Востоковедение, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Грандиозное движение рабов под предводительством бывшего гладиатора Спартака (73—71 до н. э.), уже в древности получившее название Спартаковская война, считается одним из самых значительных проявлений кризиса Римской республики в I в. до н. э. Это событие из истории Древнего мира перестало быть предметом чисто академического интереса уже более двухсот лет назад. В 1769 г. Вольтер одним из первых сослался на восстание Спартака в контексте обоснования права людей на вооруженное сопротивление несправедливому угнетению.

На фоне Великой французской революции Спартак быстро приобрел ореол неукротимого героического борца за свободу, так соответствовавший духу времени¹. Вскоре «черный Спартак» — Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр (ок. 1744—1803), начал на о. Гаити войну за свободу и независимость рабов-негров, добившихся в конечном итоге создания собственного государства. Следующее столетие подняло Спартака на щит как выдающегося организатора

---

¹ Тогда же появляются первые научные исследования о Спартаке, см.: *Meissner A. G. Spartakus*.

классовой борьбы римских рабов против их господ. Многие сравнивали с ним американского сторонника ликвидации рабства Джона Брауна, в 1859 г. Поднявшего восстание и погибшего за свои убеждения. К. Маркс, безусловно, выражал уже сложившееся общественное мнение, когда в письме Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г. высказался о Спартаке следующим образом: это был «истинный представитель античного пролетариата» и «самый великолепный парень во всей античной истории». Романтический герой, готовый пожертвовать своей жизнью ради высокой цели, — таким предстал Спартак в 1874 г. перед первыми читателями известного романа итальянского писателя Р. Джованьоли, под руководством Дж. Гарибальди принимавшего непосредственное участие в войнах за объединение своей родины. Когда по свежим следам эту знаменитую книгу переводил на русский язык профессиональный борец с российским самодержавием С. М. Степняк-Кравчинский, он, несомненно, воспринимал Спартака как революционера. По той же причине немецкие социал-демократы Карл Либкнехт и Роза Люксембург называли созданную ими в 1916 г. организацию Союзом Спартака.

Позднее в Советской России восстание Спартака стало преподноситься как первая международная революция трудящихся, а в общественное сознание активно внедрялся мифологизированный образ человека, который, выражаясь языком того времени, «задал жару античным эксплуататорам трудового народа» и вполне заслуживает, чтобы его имя было увековечено достойным образом. Отсюда существующие до сих пор многочисленные улицы и площади Спартака в

Москве, Иваново, Калуге, Твери, Саратове, Липецке, Донецке, Ставрополе, Челябинске, Уфе, Новосибирске, Новокузнецке, Кемерово и Улан-Удэ². Можно упомянуть также появившиеся в 1920-х гг. спартакиады, а позднее — общество и спортивные клубы, носящие его имя. Тогда же вошло в моду имя Спартак. Характерным примером является известный актер Спартак Мишулин (1926—2005), дядя которого проф. А. В. Мишулин много лет занимался изучением истории рабских восстаний.

Определенную роль в нарастании всенародной любви к античному символу свободы сыграли прозвучавшие на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1933 г. известные слова И. В. Сталина о революции рабов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»³. Тут же эта идея, переносившая понятие «революция» в далекое прошлое, была подхвачена и переработана в теорию о растянувшихся более чем на пять столетий двух фазах рабской революции, о союзе рабов с «попутчиками», т. е. беднейшим крестьянством, а на позднем этапе и с варварами, и т. д. Такой безосновательный модернистский подход можно найти в работах уже упоминавшегося А. В. Мишулина, который утверждал: «...рабы становились пролетариями, и создавались предпосылки для более высокой стадии классовой

---

² Между тем за пределами России известна только славящаяся своими магазинами Via Spartaco в Милане.

³ Колобова К. М. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э. С. 7 и след.

борьбы, ставящей своей задачей уничтожение всякой частной собственности, ликвидацию капиталистического строя. Революция рабов была необходимым историческим звеном в борьбе за окончательную ликвидацию эксплуатации человека человеком»⁴. Только в 1960-е гг. была выработана более трезвая оценка интересующих нас событий⁵.

Так или иначе, Спартак продолжал оставаться личностью, весьма популярной в революционной среде. Его яростным почитателем, например, был Эрнесто Че Гевара. Что касается научного подхода к изучению Спартаковской войны, то следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии она, как правило, рассматривалась в различных социально-экономических аспектах⁶. Во многом это объясняется тем, что до нас дошли только фрагменты «Истории» Гая Саллюстия Криспа (86—35 до н. э.), где довольно подробно излагались связанные с восстанием события, а специальный исторический труд известного ритора I в. н. э. Цецилия Калактинского о

---

⁴ Мишулин А. В. Спартаковское восстание. С. 40.

⁵ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. С. 30 и след.; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 142—148; Утченко С. Л. События. Люди. Идеи. С. 52—67.

⁶ См., например: Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии; Кузищин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности. С. 61—77; Orena R. Rivolta e rivoluzione; Armin J. Spartacus; Guntor R. Der Aufstand des Spartacus.

рабских войнах известен только по упоминанию о нем у более позднего автора — Афиней (ок. рубежа II—III вв. н. э.). Поэтому о целом ряде военных эпизодов мы можем судить лишь в самых общих чертах, зачастую сопоставляя между собой обрывочные сведения из произведений различных античных авторов, писавших значительно позднее. И все же предпринятая далее попытка рассмотреть Спартаковскую войну с точки зрения анализа военно-политической ситуации и военного искусства того времени, на наш взгляд, вполне оправданна.

ГЛАВА 1

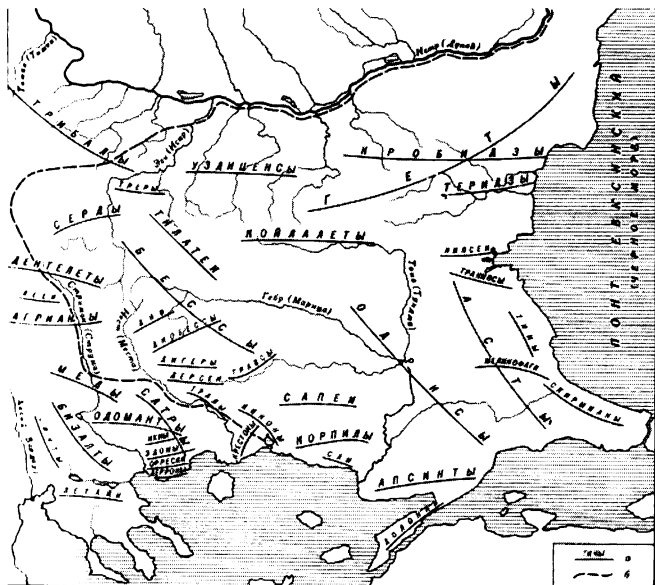
НАЕМНИК И ГЛАДИАТОР

Кем был Спартак до того, как он попал в рабство и стал гладиатором? Вполне определенно известно только одно: его родиной была Фракия — страна на севере Балканского полуострова¹, конкретнее — область племени медов (рис. 1)², упоминаемых Страбоном (ок. 64/63 до н. э.—ок. 23/24 н. э.) в числе «народностей, чрезвычайно склонных к разбойничеству»

---

¹ Границами Фракии служили Черное море и река Аксий (совр. Вардар), с одной стороны, и Дунай и Эгейское море — с другой.

² В отношении происхождения Спартака общепринятой является конъектура, предложенная в 1955 г. Профессором Геттингенского университета К. Циглером (*Ziegler K. Die Herkunft des Spartacus. S. 248—250*). Он обратил внимание на то, что в сохранившемся тексте Плутарха (Plut. Crass. 8) речь идет о том, что Спартак был фракийцем из племени *nomadikon* — кочевников. Поскольку фракийцы вели оседлый образ жизни, исследователь пришел к выводу о допущенной средневековым переписчиком грубой ошибке: вместо «*nomadikon*» следует читать *medikon* — то есть из племени медов.

Рис. 1. Карта расселения фракийских племен (а) и границы Одрисского царства (б)

(Strab. VII. 5. 12). Воинственные меды, неоднократно совершавшие набеги на соседние земли, еще с IV в. до н. э. оказались втянутыми в сложную систему политических отношений с Македонией, а затем и с соответствующей провинцией Римской республики. Территория их обитания находилась в среднем течении р. Стримон (совр. Струма) близ западных отрогов Родопских гор (рис. 2). С юга ее защищали горные теснины, за которыми начинается прекрасная равнина шириной до 80 км, известная своим плодородием.

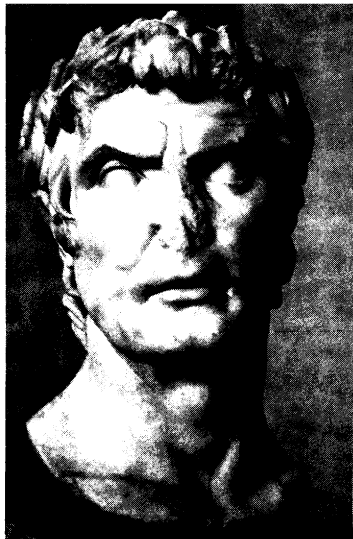
Рис. 2. Долина реки Стримон

С севера и востока границей этой области являются крутые вершины высотой от 1900 до 2900 м со склонами, поросшими густыми дубовыми и сосновыми лесами. Здесь, в маленьком болгарском городке Сандански, сорок пять лет назад был установлен первый в мире памятник Спартаку работы скульптора Величко Минского. Огромная атлетическая фигура безбородого героя (рис. 3) отражается в воде бассейна. Его гордый взор устремлен вдаль, левая рука опирается на щит, а правой он готов взяться за меч, чтобы сражаться за свободу всех угнетенных.

Скупую информацию о начальном периоде жизни Спартака дает Луций Анней Флор (ок. 70—140 н. э.), написавший свои «Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет» на основе созданного Титом Ливием (59 до н. э.—17 н. э.) известного труда

Рис. 3. Памятник Спартаку в Болгарии

Рис. 4. Луций Корнелий Сулла.
Мраморный бюст

анализа исторической ситуации, можно предположить, что он оказался участником событий, происходивших на его родине в начале 85 г. до н. э. Тогда, после очередных набегов фракийцев на Македонию, римский полководец Сулла (рис. 4) вторгся «в страну медов и, сильно опустошив ее», заключил с ними мир (Plut. Sulla. 23; Eutrop. V. 7.1). Одним из условий этого договора могло быть право набора наемных воинских контингентов. Обычно это касалось лишь мужчин призывного возраста, то есть 18—21 го-

под названием «История Рима от основания города». По словам Флора, Спартак сначала был «солдатом из фракийских наемников», потом стал дезертиром, «из дезертира разбойником, а затем за почитание его физической силы — гладиатором» (Flor. III. 20. 8). Отсюда, по крайней мере, ясно, что будущий вождь восстания какое-то время провел во вспомогательных войсках римской армии. Как и когда это могло произойти? Исходя из

да³, и такие последствия покорения были далеко не худшим из того, что побежденным даровала судьба. Часто отряды наемников, включавшиеся в состав вспомогательных войск, возглавляли племенные вожди или их родственники. Может быть, одним из таких командиров и был Спартак. Иначе трудно объяснить, как он позднее с такой легкостью руководил огромными массами вооруженных людей. Не случайно Плутарх (ок. 45—127 н. э.), говоря о том времени, когда Спартак был продан в рабство, отмечал, что он не только выделялся своей отвагой и физической силой⁴, но по уму и мягкости характера больше походил на эллина и человека более высокого положения, чем то, в котором оказался (Plut. Crass. 8). Отчасти на его первоначальный высокий социальный статус указывает имя, звучавшее по-фракийски как Спарадок, а бытовало оно главным образом в среде фракийской знати, и в частности среди представителей правящей династии племени одрисов⁵. В свое время немецкий историк Теодор Моммзен (1817—1903) даже предположил, что Спартак происходил из царского рода Спартокидов, власть которых в V—

---

³ Именно такой возраст рекомендовался при наборе в римскую армию: *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи ранней империи. С. 105.

⁴ В качестве дополнительного штриха к его внешности можно добавить, что, как и большинство фракийцев, он, вероятнее всего, был русоволосым и голубоглазым.

⁵ *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der Schwarzmeerküste. S. 287; *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. S. 473.

II вв. до н. э. простиралась на обширные земли по берегам Керченского пролива, входившие в состав Боспорского государства⁶.

Очевидно, Спартак успел принять участие в военных действиях римлян против войск понтийского царя Митридата VI Евпатора (121—63 до н. э.)⁷ на территории Греции и Малой Азии. Не исключено также, что весной 83 г. до н. э. он впервые оказался на земле Италии, когда Сулла с пятью легионами, присоединив отряды из Пелопоннеса и Македонии, высадился в Брундизии⁸, а затем двинулся в Кампанию — область, где позднее вспыхнуло восстание гладиаторов и рабов. Упомянутые отряды, представлявшие собой вспомогательные войска, после захвата Рима и ряда карательных экспедиций были, скорее всего, отправлены к месту прежней дислокации.

За время военной службы Спартак вполне основательно познакомился с организацией и тактикой римской армии. Позднее Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) в своих «Записках о Галльской войне», правда вскользь, упомянул о пользе, которую принесли восстанию рабов «полученные от нас опыт и дисциплина» (Caes. De bello Gall. I. 40). То же самое можно

---

⁶ Моммзен Т. История Рима. Т. III. С. 70 и след. Впрочем, и в наши дни эта устаревшая версия преподносится порой как вполне реалистичная, см.: Басовская Н. И. Спартак. Вечный символ. С. 46—47.

⁷ Понтийское царство в тот период включало в себя значительную часть Малой Азии и практически все побережье Черного моря.

⁸ Kolendo J. Comment Spartacus devient-il esclave? P. 72.

было бы сказать и о других варварских вождях, прошедших обучение в римской армии, а потом ставших для нее своего рода «голом в свои ворота»: это царь Нумидии Югурта (117—104 до н. э.), который сначала помогал Сципиону Африканскому Младшему, осаждавшему испанскую Нуманцию, а потом вёл с Римом Югуртинскую войну; Арминий (16 до н. э.—21 н. э.), удостоившийся звания всадника и римского гражданина сын вождя германского племени херусков, в 20 лет командир подразделения вспомогательных войск, после возвращения на родину разгромивший армию Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.); Такфаринат — вождь племени мусуламиев, служивший во вспомогательных войсках римской армии и дезертировавший из нее, предводитель восстания 17—24 гг. н. э. против римлян в провинции Африка; Гай Юлий Цивилис — вождь германского племени батавов, префект когорты римских вспомогательных войск, возглавивший восстание 69—70 гг. н. э.

Пребывание Спартака в римской армии продолжалось, скорее всего, до 77 г. до н. э., когда Аппий Клавдий Пульхр⁹ в ранге проконсула Македонии одержал, как пишет историк Евтропий (ок. 330—370), «легкие победы над народами, жившими в провинции Родопы» (Eutrop. VI. 2.1)¹⁰. Видимо, начавшееся

---

⁹ Этот знатный римлянин к тому времени уже был отцом будущего народного трибуна 58 г. до н. э. Клодия Пульхра (ок. 93—52 до н. э.), родная сестра которого считается прототипом Лесбии в стихах поэта Катулла.

¹⁰ Естественно, в I в. до н. э. провинции с таким названием еще не было. Совершенно ясно, что Евтропий, ис-

покорение той области Фракии, которую занимали меды, и, соответственно, нарушение договора, заключенного в свое время Суллой, послужило причиной дезертирства Спартака. Мы знаем, что он «воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы» (App. Bell. Civ. I. 116). Когда он стал римским пленником, трудно сказать, но непрерывные военные действия римлян во Фракии велись около двух лет подряд.

Официально за дезертирство полагался смертный приговор, и соответствующий раздел «Дигест» Юстиниана, связанный с именем известного юриста Аррия Менандра, жившего при императоре Септимии Севере (193—211 н. э.), несомненно, восходит к более ранним временам. Там говорится следующее: «Если кто-либо перебежит к врагу... то подвергается пытке и отдается или на растерзание зверям, или повешению. Карается лишением жизни и тот, кто был задержан, когда намеревался перебежать...» (Dig. XLIX. 16. 10—11). С перебежчиками и дезертирами римляне действительно особенно не церемонились. Первым, кто додумался приговорить их к публичному растерзанию дикими зверями, стал полководец Луций Эмилий Павел, разгромивший в 167 г. до н. э. армию македонского царя Персея. Тогда осужденные на смерть были растоптаны слонами. Позже очередная партия дезертиров была отдана «зубастым хищникам» по случаю окончательной победы Сципиона

пользовавшийся в описании многих событий труд Тита Ливия, в данном случае, отталкивался от реалий своего времени.

Эмилиана над Карфагеном в 146 г. до н. э. Иногда применения крайней меры наказания старались избегать. При этом учитывались такие обстоятельства, как срок службы, звание или должность, поведение в прошлом. Очевидно, к пленному Спартаку было проявлено особое отношение — его просто продали в рабство, причем дважды¹¹, и оба раза не разлучали с женой.

Работоторговля была в Риме распространенным и вполне обычным явлением, на котором зарабатывали не только торговцы, но и государство, получавшее с каждой сделки определенный налог. Контроль в данном случае осуществлялся через эдилов¹², защищавших покупателей от обмана. Невольничий рынок находился около храма Кастора и Поллукса на римском Форуме (рис. 5). Специальный глашатай громко в шутиливой форме оповещал о достоинствах живого товара. Для предварительного осмотра рабы выставлялись на вращающемся помосте или высоком камне обнаженными. Потенциальные покупатели могли ощупывать и разглядывать их, требовать продемонстрировать физическую силу, интересоваться, что умеет делать предлагаемый к продаже раб (рис. 6). Указа-

---

¹¹ Об этом можно судить по одной фразе у Плутарха: «Однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу...» (Plut. Crass. 8). Таким образом, в гладиаторскую школу его перепродал первый, не известный нам хозяин, скорее всего, не ранее 75 г. до н. э.

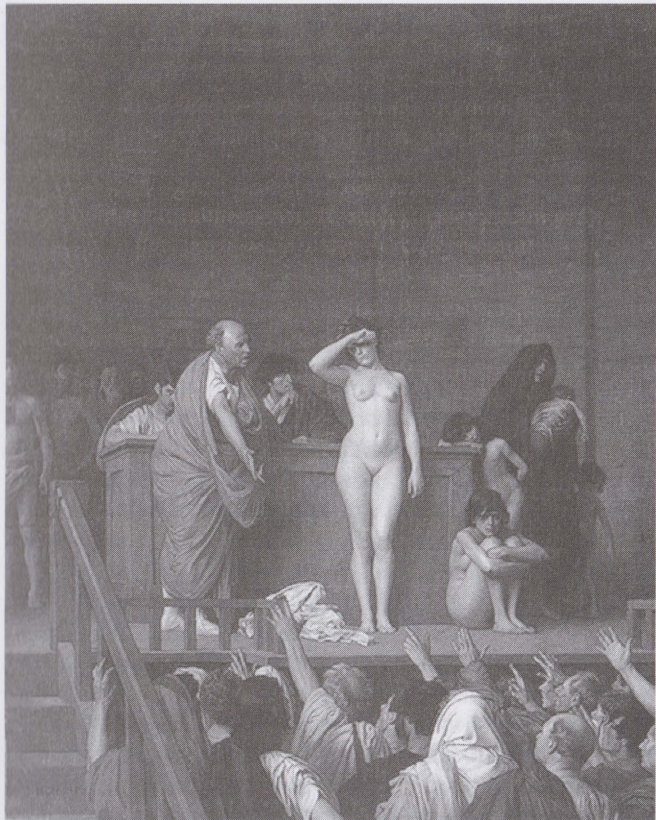
¹² Э д и л — должностное лицо, ведавшее общественными играми, надзором за строительством, содержанием храмов и прочими городскими делами.

Рис. 5. Храм Кастора и Поллукса на Римском форуме

нием на то, что он привезен издалека, служили выбеленные мелом или гипсом ступни. На шее висела дощечка с описанием «товара», содержащая сведения о возрасте, навыках и имеющихся недостатках, например, о физических отклонениях или болезнях. Запись о месте рождения тоже имела значение. Например, галлы традиционно считались прекрасными пастухами, рослых каппадокийцев или сирийцев можно было приобрести для переноски носилок, фригийцы или ликийцы лучше всего подходили для прислуживания за столом, а образованные рабы чаще всего имели греческое происхождение. Знаком отсутствия каких-либо гарантий со стороны продавца служил

Рис. 6. Жан-Леон Жером. Рынок рабов в Древнем Риме (1884)

надетый на раба белый шерстяной колпак. По сложившейся традиции Спартака должны были выставить на продажу с венком на голове, как и прочих военнопленных. Это делалось по приказу полководца, во власти которого оказывались захваченные им люди, а вырученные за них деньги поступали в государственную казну.

Ни Спартак, ни его товарищи по несчастью, уже будучи рабами, не были запятнаны какими-либо преступлениями и оказались в гладиаторской школе Гнея Лентула Батиата «исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиатора» (Plut. Crass. 8)¹³. Таких людей, как Батиат, для которых содержание и обучение гладиаторов было профессией и единственным источником средств к существованию, называли ланистами (термин, производный от того же корня, что и *lanius* — мясник). Они на свой страх и риск скупали и опытных гладиаторов, и молодых рабов с подходящими физическими данными, видимо, отдавая предпочтение тем, кто был выше среднего роста римлян (около 1 м 65 см). В данном случае любые расходы были вполне оправданны, поскольку иногда уже после двух выступлений обученных гладиаторов, отданных внаем, хозяин школы мог полностью вернуть потраченные на них деньги. Без его услуг не могли обойтись ни городские магистраты, ни частные лица,

---

¹³ Только император Адриан (117—138 н. э.) ограничил подобный произвол, запретив делать раба гладиатором без его согласия, если, конечно, он не совершал преступления, за которое полагалось наказание гладиаторской школой.

дававшие игры. Таким образом, для понимавших толк в этом деле открывался путь к быстрому обогащению, которое, впрочем, не вызывало уважения в глазах других людей. Подобного рода деятельность считалась постыдной и закрывала доступ к каким-либо государственным должностям.

Город Капуя, где находилась школа Лентула Баттата, был расположен в области Кампания, отличавшейся прекрасным здоровым климатом, и, судя по всему, именно там, впервые на земле Италии, появился обычай устраивать бои между обреченными на смерть пленниками или рабами. В сообщении Тита Ливия о решительной победе, которую римляне одержали над самнитами в 308 г. до н. э., отмечается, что они ограничились использованием трофейного вражеского оружия для украшения своего Форума, тогда как их союзники-кампанцы «обрядили в эти доспехи гладиаторов, дававших представления на пиршествах, и прозвали их „самнитами“» (Liv. IX. 40. 17). Некоторое представление о том, как выглядели появившиеся со временем специальные заведения для подготовки гладиаторов можно составить на основании данных, полученных при раскопках самой ранней из известных построек подобного рода, открытой в Помпеях. Существовавшая там старая гладиаторская школа была разрушена землетрясением 62 г. н. э., и под нее наскоро переоборудовали расположенный близ местного театра четырехсторонний портик дорического ордера, первоначально предназначавшийся для прогулок зрителей в антрактах между представлениями (рис. 7). Проход в театр заложили, а к колоннаде пристроили двухэтажное здание с большим прямо-

Рис. 7. Гладиаторская школа в Помпеях

угольным двором размером 55x44 м, где проходили тренировки новобранцев. На первом этаже находилось более 70 низких тесных каморок площадью около 4 кв. м, в каждой из которых на время сна размещалось не более двух человек. Здесь же имелся карцер с зарешеченными окнами и настолько низкими потолками, что выпрямиться в полный рост там было невозможно. Школа Лентула Батиата, судя по тому, что в ее стенах обитало как минимум двести гладиаторов, превышала помпейскую по размерам раза в полтора.

В любой гладиаторской школе были столовая и большая кухня, где готовилась обильная и сытная пища, главным образом из бобов и ячменной муки, считавшихся самыми полезными для физического развития тела. Ячмень считался идеальным средством для наращивания мускульной силы, поэтому в меню гладиаторских школ блюда из него традиционно занимали первые места. Именно этому обстоятельству гладиаторы были обязаны насмешливым прозвищем *hordearii* — питающиеся ячменем. Действительно, необыкновенно высокий уровень содержания стронция в костях гладиаторов из погребений, недавно найденных близ Эфеса, указывает на то, что они придерживались практически полностью вегетарианской диеты, приводившей, правда, к широкому распространению кариеса зубов. Известно также, что стронций гораздо лучше, чем кальций, способствует заживлению костной ткани, при этом прочность костей повышается. Это означает, что у гладиаторов были очень крепкие кости, способные вынести мощные удары на арене. Помимо прочего, растительная пища

обеспечивала формирование плотной прослойки подкожного жира, служившего дополнительной защитой в случае проникающего ранения.

Имеющиеся данные о гладиаторских школах в Риме позволяют утверждать, что несколько помещений выделялось под оружейный склад, кузницу и морг (*сполиарий*). В состав многочисленного обслуживающего персонала обязательно входили преподаватели, оружейники, надзиратели, врачи и массажисты. Поддержанию здоровья и лечению ран гладиаторов уделялось особое внимание, так как их владельцы были заинтересованы в том, чтобы они выступали на арене не один раз и наиболее эффектно. Ведь больные и изможденные бойцы никогда бы не смогли привлечь внимание публики. Но чтобы в полной мере овладеть наукой убивать, нужно было пройти достаточно изощренную систему подготовки.

Шансы Спартака добиться успеха в новом для него деле изначально были достаточно высоки, ведь первичный курс обучения в школе мало чем отличался от тех упражнений, которые в армии заставляли выполнять молодых легионеров (рис. 8). Им выдавали сплетенные из прутьев закругленные щиты и палки или деревянные мечи двойного по отношению к боевому оружию веса, чтобы, получив настоящее, более легкое, они сражались быстрее. Затем начиналась отработка на деревянных чучелах высотой в человеческий рост приемов владения мечом. После приобретения первых необходимых навыков их совершенствованием занимался более опытный боец. На показательных поединках тщательно анализировались ошибки и промахи учеников (рис. 9). Несколько удачно

Рис. 8. Обучение новобранцев в римской армии
(по: Коннолли, 2000)

проведенных сражений давали им право перейти в категорию «ветеранов». При жизни это повышало их рыночную стоимость, которая определялась подробными записями по каждому бойцу.

Эти способные «завести толпу» люди, демонстрируя на играх свои храбрость и ловкость, повсюду вызывали всеобщий интерес и восхищение. Плиний Младший называл гладиаторские игры зрелищем, способным разжечь мужество и «подвигнуть на прекрасные подвиги, на презрение ран и смерти, ибо

Рис. 9. Занятия в гладиаторской школе
(по: Тарновский, 1998)

ведь и в сердцах рабов и преступников бывает любовь к славе и стремление к победе» (Plin. Sec. Pan. 33). Юноши из знатных семейств учились у гладиаторов фехтованию, порой женщины из высшего общества, подвергая себя опасности насмешек, влюблялись в них, увлеченные силой и славой, даже если те не блистали особой красотой. Судя по надписям из Помпей, обитатели гладиаторских казарм пользовались не меньшей популярностью, чем современные спортсмены, киноартисты или музыканты: все знали их имена и подробности поединков на арене. И все-таки, восхищаясь гладиаторами, их ремесло презирали. Это бросающееся в глаза противоречие подчеркивал раннехристианский писатель Тертуллиан (ок. 155—

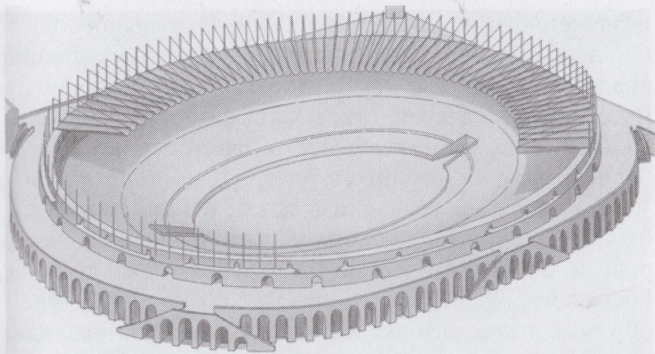
240 н. э.), когда писал: «Устроители и распорядители игр наказывают бесчестьем и лишением прав тех самых... гладиаторов, которым зрители отдают свои симпатии, а зрительницы, сверх того, и тело, рискуя погубить свое доброе имя и репутацию: им закрыт доступ... в сенаторское и всадническое сословие, к каким-либо почетным должностям и наградам. Какое извращение! Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, кого одобряют; хвалят исполнение, а исполнителя позорят» (Tertul. De spect. 22).

Хотя гладиаторские бои можно было проводить просто на городской площади или на любом ровном месте, в той же Кампании появились и первые специальные архитектурные сооружения для подобных выступлений, названные амфитеатрами. Инженерные решения, казавшиеся наиболее приемлемыми для них, впервые были опробованы во второй половине II в. до н. э. Новым конструктивным подходом стало применение арочных перекрытий с опорой на радиальные линии стен, расходящихся от центральной площадки. В данном случае главной задачей было обеспечить наибольшему числу зрителей возможность увидеть происходящее на арене. Это обстоятельство обусловило, в конечном счете, выбор эллиптической формы здания, которая, помимо всего прочего, допускала большую маневренность участников зрелищ. Остатки самых ранних построек, относящихся к прототипам амфитеатров, были открыты в Теане, Капуе, Литерне и Кумах. К сожалению, древнейший амфитеатр в Капуе, на арене которого выступал Спартак, впоследствии был заменен более значительным по размерам сооружением, возведенным при импера-

Рис. 10. Амфитеатр в Капуе

торе Октавиане Августе (27 до н. э.—14 н. э.) для размещенных в этом городе ветеранов Юлия Цезаря (рис. 10). Непосредственно от времени Спартака до нас дошел только достаточно хорошо изученный амфитеатр в Помпеях (ок. 70 до н. э.), наглядно демонстрирующий, что к тому времени данная архитектурная форма почти окончательно сформировалась (рис. 11). Его конструкция в форме эллипса (136×104 м) довольно оригинальна: 35 рядов зрительских мест вместимостью 20 тысяч человек наполовину углублены в землю (рис. 12). Это позволило уменьшить высоту внешней стены, снизив тем самым расходы на ее возведение. Вынутый грунт использовали для пред-

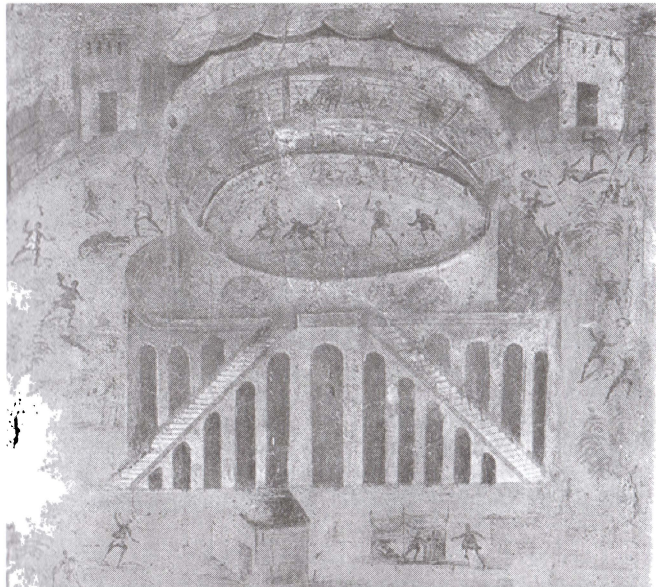
Рис. 11. Реконструкция амфитеатра в Помпеях

Рис. 12. Внутренний вид амфитеатра в Помпеях

назначенного под возведение трибун земляного вала. С внешней стороны он был облицован массивной кладкой с мощными контрфорсами, на которых покоилась крытая галерея, открывавшая доступ к верхним рядам. Снизу сюда вели шесть пристроенных снаружи лестниц, опиравшихся на арочные конструкции. Чтобы избежать толкотни и давки в толпе зрителей, был предусмотрен также внутренний коридор, который не был сквозным: по центру большой оси его с обеих сторон перегородили глухой стеной. Таким образом, толпа разбивалась на два потока и расходилась по рядам первого и второго ярусов, куда из коридора вели лестницы. Первый ярус предназначался для представителей городских властей и знати, а также прочих официальных лиц. Находившиеся здесь широкие ступени, видимо, заставлялись переносными деревянными скамьями. Великолепно сохранившийся высокий парапет отделял их от зрительских мест на втором ярусе, куда всех желающих пускали за деньги. На третий, бесплатный, ярус, где всегда толпился народ, можно было либо подняться со второго яруса по лестницам, делящим внутреннее пространство амфитеатра на отдельные секторы-клинья, либо, что было гораздо удобнее, спуститься на него с верхней террасы.

Из шести входов в амфитеатр два вели прямо на арену. Через них входили гладиаторы, здесь же выпускали зверей. Для первых рядов зрительских мест защитой служила узкая двухметровая стена, на которой, видимо, крепилась металлическая решетка. Крышу над амфитеатром заменял огромный тент, который периодически натягивали в жару или в дождь

Рис. 13. Фреска из Помпей с изображением местного амфитеатра и тента над ним

(рис. 13). В целом углубленное в землю здание помпейского амфитеатра выглядит скромным и приземистым. Другие сооружения такой конструкции до сих пор неизвестны. Как правило, римские амфитеатры независимо от строительного материала возводились на ровной поверхности.

Попробуем представить себе, как протекал обычный день, связанный с традиционной программой гладиаторских игр. Рано утром у входа в амфитеатр со-

Рис. 14. Мозаика из Злитена (Ливия) со сценами венацио и казней на арене

биралась толпа, ожидавшая открытия. Люди бурно обсуждали достоинства и недостатки бойцов, ели, пили, заключали пари, брали напрокат подушки, чтобы с комфортом высидеть на своих местах целый день. Представление открывалось проходившей по арене торжественной процессией ее организаторов и участников. Утренняя часть программы включала травлю зверей (*венацио*) и казнь с их помощью приговоренных к смерти (рис. 14). *Венаторы*¹⁴ выступали пешими или конными, как правило, они были вооружены охотничьими копьями, дротиками или луками

¹⁴ Венатор — букв.: ‘охотник’.

Рис. 15. Мраморный рельеф конца I в. до н. э.
с изображением венаторов

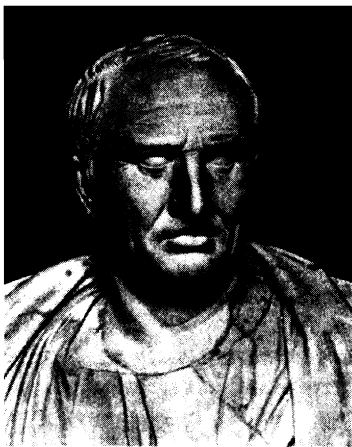
со стрелами. Иногда, как это можно видеть на мраморном рельефе из театра Марцелла в Риме, они имели более основательное снаряжение — шлем, меч и щит (рис. 15), но в этом случае возможности разных типов «охотников» уравнивались. Явное преимущество перед копейщиком в защите сочеталось с весьма ограниченным радиусом действия меча. Некоторые схватки с дикими зверями проводились один на один, другие приобретали массовый характер, когда выпускали сразу десятки животных против нескольких охотников, тем самым увеличивая для них риск получить травму или погибнуть. Далее обычно следовали

казни преступников, которые также могли обставить как «охоту», выдав для защиты только копье или меч, а часто просто выставляли потенциальную жертву совершенно беззащитной перед разъяренным хищником.

Во второй половине дня, наступала кульминация игр в виде гладиаторских боев. Перед их началом на арену выходили рабы и заново готовили ее, посыпая чистым песком кровавые пятна. Выступления начинались разминкой с поединками на безопасном деревянном оружии. Затем перед зрителями появлялись первоклассные гладиаторы, обычно сражавшиеся парно. Предварительно глашатай громко произносил их имена и перечень побед. Обычно схватка продолжалась пятнадцать-двадцать минут, и в течение часа зрители могли видеть три-четыре сражения. За соблюдением определенных правил поединков следили судьи в белых туниках с двумя красными вертикальными полосами. Бой считался завершенным, если один из противников получал смертельную рану или не мог продолжать сражаться и сдавался. В последнем случае гладиатор бросал оружие и поднимал вверх руку с вытянутым указательным пальцем. Тогда судья немедленно прекращал схватку. Дальнейшая судьба побежденного зависела от зрителей. Распространенное заблуждение относительно того, что знаком помилования или смерти служил поднятый или опущенный большой палец, на самом деле ошибочно, поскольку единого мнения на этот счет до сих пор не существует. Если исходить из сообщений римских авторов, то наиболее вероятным жестом помилования была поднятая правая рука, сжатая в кулак с

прижатым большим пальцем (Hor. Sat. I. 18. 66; Plin. Nat. Hist. XXVIII. 2), а призыв к смерти демонстрировали с помощью вытянутой руки (Iuv. 3. 36). В любом случае, если такой приговор был вынесен, гладиатор, признавший своё поражение, но сохранивший еще достаточно сил, вставал перед победителем на коленни и подставлял под его оружие горло или спину. На скелетах некоторых гладиаторов, найденных близ Эфеса, сохранились следы колотых ран, нанесенных мечом сверху вниз прямо через лопатку и глубоко в сердце. Зафиксированные на ряде черепов большие отверстия квадратной формы свидетельствуют о том, что тех, кто уже не мог подняться, добивали ударом тяжёлого молота. Проигравший должен был мужественно встретить смерть, и в этом многие античные авторы видели неприкрытый героизм, который породил выражение: «Умереть как гладиатор». Знаменитый оратор Цицерон (106—43 до н. э.) (рис. 16) со знанием дела писал в своих «Тускуланских беседах»: «Был ли случай, чтобы даже посредственный гладиатор застонал или изменился в лице. Они не только стоят, они и падают

Рис. 16. Марк Туллий Цицерон.
Мраморный бюст

которых гладиаторов, найденных близ Эфеса, сохранились следы колотых ран, нанесенных мечом сверху вниз прямо через лопатку и глубоко в сердце. Зафиксированные на ряде черепов большие отверстия квадратной формы свидетельствуют о том, что тех, кто уже не мог подняться, добивали ударом тяжёлого молота. Проигравший должен был мужественно встретить смерть, и в этом многие античные авторы видели неприкрытый героизм, который породил выражение: «Умереть как гладиатор». Знаменитый оратор Цицерон (106—43 до н. э.) (рис. 16) со знанием дела писал в своих «Тускуланских беседах»: «Был ли случай, чтобы даже посредственный гладиатор застонал или изменился в лице. Они не только стоят, они и падают

с достоинством; а упав, никогда не прячут горла, если приказано принять смертельный удар!» (Cic. Tusc. II. 17. 41).

Наградами победителя обычно были пальмовая ветвь и приличная денежная сумма, считавшаяся личной собственностью даже в том случае, если он был рабом. В редких случаях за неоднократные победы по требованию публики гладиатору вручали *рудис* — деревянный меч, означавший свободу от обязанностей выступать на арене. Впрочем, чаще всего *рудииарий* оставался при гладиаторской школе как учитель фехтования или устраивался на такую же должность в какой-нибудь богатый дом. Бывало, эти профессионалы вновь нанимались для игр, но уже за большую плату и именовались тогда *ауктораты*.

Спартаку было уже около тридцати лет, когда он начал выступать на арене, хотя профессиональными бойцами старались сделать, как правило, людей молодых, чтобы они как можно дольше приносили своим хозяевам доход¹⁵. Мы знаем, что он прошел предварительную подготовку в качестве *мирмиллона* (от лат. названия морской рыбы *mormyllos*). Гладиаторы такого типа, возможно, именовавшиеся ранее *галлами*¹⁶, сражались обнаженными по пояс, что позволя-

---

¹⁵ Сорокапятилетний возраст, которого сумел достичь продолжавший участвовать в играх гладиатор Ульпий Феликс, — это самый высокий предел, известный по дошедшим до нас надписям (Сергеенко М. Е. Простые люди Древней Италии. С. 111).

¹⁶ Г а л л — один из ранних типов гладиаторов, именовавшийся так по названию племени галлов (кельтов), в

лю им демонстрировать публике мощный торс и игру мышц. От традиционного образа мирмиллона времен императорского Рима неотделим целиком закрывавший голову шлем с забралом, широкими полями и огромным навершием в форме плавника рыбы, украшенным плюмажем из перьев или конского волоса. Но более ранних шлемов такой формы мы не знаем ни по изобразительным источникам, ни по археологическим находкам. Скорее всего, Спартак мог пользоваться шлемом аттическо-беотийского типа, распространенным как в римской армии, так и среди гладиаторов¹⁷. Отличительными чертами его являются отогнутые вниз широкие поля, налобная часть тульи с волютами и широкие нащечники (рис. 17). Внутри такие шлемы должны были иметь войлочные прокладки, а небольшое пространство между головой и куполом шлема смягчало нанесенные по нему удары. Другие образцы ранних гладиаторских шлемов без забрала, но с гребнями различной формы представлены на уже упоминавшемся рельефе из театра Марцелла.

Низ живота мирмиллона, как и у многих гладиаторов других типов, был прикрыт матерчатой набедренной повязкой. Верхнюю часть ее перекрывал широкий кожаный пояс. На правую руку надевался защитный рукав, а на левую ногу — короткая бронзовая поножь, под которую надевали толстые стеганные

древности занимавших обширные территории в Западной и Центральной Европе.

¹⁷ Носов К. С. Гладиаторы. С. 106; Негин А. Е. Гладиаторские шлемы. С. 24—25.

Рис. 17. Рельеф с изображением гладиатора в шлеме аттическо-беотийского типа

обмотки из шерсти или льна. Выше колен бойца до самого подбородка укрывал щит-*скутум* (рис. 18), в период Республики имевший овальную форму и ничем не отличавшийся от соответствующего вида вооружения римских легионеров. Единственным наступательным оружием мирмиллона являлся *гладиус* — короткий меч, использовавшийся римлянами с конца III в. до н. э. (рис. 19). Полибий (ок. 201—120 до н. э.) описывает его как «превосходный для колющих ударов, с двумя режущими краями, с прочным и твердым

Рис. 18. Терракотовая фигурка мirmиллона

клинком» (Polyb. VI. 23). Эта характеристика подтверждается тем, что центр тяжести такого меча находился у рукояти, что при сужающемся клинке давало больше возможностей именно для колющего удара. Гладиус того времени имел лезвие длиной около 60 см при ширине до 5,5 см. Двусторонний клинок с продольным ребром жесткости и четко выраженным острием позволял не только рубить, но и колоть, что в тесноте боя было немаловажно. Возможно, такой тип гладиатора, как *мирмиллон*, по комплекту вооружения более всего соответствовавший римскому легионеру, использовался на арене для воссоздания картины сражений между римлянами и их многочисленными врагами. Обычными противниками его выступали *гопломах* или *фракийцы* (рис. 20).

Термин «гопломах» — греческого происхождения, означает «сражающийся оружием». Комплект наступательного снаряжения в данном случае включал копье в сочетании с коротким мечом или кинжалом. Голову защищал шлем с загнутым вперед гребнем, широ-

Рис. 19. Современная реконструкция раннего типа гладиуса

Рис. 20. Рельеф с изображением боя между фракийцем
и гопломахом

кими полями и наверху, украшенным плюмажем. Маленький круглый щит из толстого листа бронзы диаметром около 45 см можно было использовать не только для защиты, но и для нападения. Его небольшие размеры компенсировали высокие, доходившие до середины бедра, поножи. В отношении шлемов и поножей от гопломахов почти не отличались гладиаторы-фракийцы, которые появились на аренах римских амфитеатров после войны с понтийским царем Митридатом VI Евпатором. Их отличали маленький щит почти квадратной формы и смертоносный кинжал (*сика*) с изогнутым лезвием длиной до 45 см, которым было хорошо поражать противника сбоку, а также нанося удары по шее или бедрам. При меньшей тяжести вооружения в сравнении с *мирмиллоном* и *гопломахом фракиец* должен был проявлять невероятную подвижность. Только быстрота действий, учитывая небольшие размеры щита, могла спасти ему жизнь.

Другими типами гладиаторов, выступавших на аренах времен поздней Римской республики, были *андабат* (в глухом, без прорезей для глаз, шлеме), *велит* (с дротиком), *провокатор* (имел шлем, защитный рукав, нагрудник, большой щит и гладиус), *самнит* (в шлеме с перьями и трехдисковом панцире, с копьем, мечом и большим щитом) и *экви* (конный гладиатор с копьем, мечом и щитом). В этом списке нет такого известного типа гладиаторов, как *ретиарий* (легковооруженный боец с трезубцем, сетью и кинжалом), представленный Р. Джованьоли буквально на первых страницах романа «Спартак», где он сражается на арене с *мирмиллоном*. И это не случай-

по. В принципе такой поединок был вполне реален, но только для более позднего времени¹⁸, поскольку самые ранние изображения ретиариев датируются I в. н. э.

Судя по всему, Спартак был одним из выдающихся профессионалов капуанской школы, находившимся на особом положении, поскольку с ним была жена, его соплеменница, а такое, с предоставлением отдельной комнаты или комнат, разрешалось только избранным. Кстати, по сообщению Плутарха, эта женщина имела отношение к культу бога Диониса и обладала даром пророчества. Увидев как-то змею, обвившуюся вокруг лица ее спящего мужа, она объявила, что это знак предуготованной великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу (Plut. Crass. 8). Возможно, начало этого пророчества имеет вполне аутентичное происхождение, соответствовавшее особой харизме этого человека в глазах товарищей по гладиаторской казарме, его роли будущего вождя, который через жену может обрести поддержку божественных сил, а окончание появилось позднее, уже после гибели. Именно тогда могли начать распространяться подобные слухи, поскольку в нескольких словах здесь отражена будущая судьба «рабской» войны.

Все началось с того, что Спартак, наряду с другими двумястами обитателями школы Лентула Батиата,

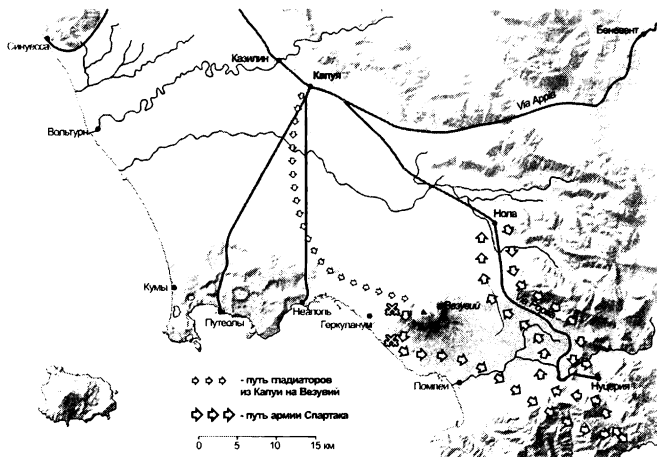
---

¹⁸ Первое упоминание о ретиарии в античной литературе содержится в «Достопамятных деяниях и изречениях» Валерия Максима, закончившего свой труд около 30 г. н. э. и включившего в него рассказ о схватке такого гладиатора с мирмиллоном на играх в Сиракузах (Val. Max. I. 7.8).

принял участие в заговоре с целью побега. Судя по краткому замечанию христианского богослова и философа Синезия (ок. 370—414) о том, что Крикс и Спартак убежали, будучи назначены «очистительными жертвами за римский народ в амфитеатре» (Syn. De regno. 20), непосредственным побудительным мотивом для организации заговора стало известие о дате проведения очередных игр. Обычно ежегодный торжественный обряд люстрации (очищения) римской общины проводился в конце февраля, перед новым годовым циклом. Исходя из этого, начало восстания предположительно можно отнести к концу зимы 73 г. до н. э. Когда замысел гладиаторов был раскрыт, горстка этих отчаянных и решительных людей¹⁹ ворвалась на кухню и, вооружившись там ножами и вполне способными заменить копья длинными железными вертелами, перебила вставшую на пути стражу. Выломав двери школы, гладиаторы вырвались на свободу и собрали затем вокруг себя «толпу рабов из тюрем» (Liv. Ep. 95). Видимо, толпа была достаточно большой, если Флор определяет ее численность в десять тысяч человек (Flor. III. 20. 3), что является явным преувеличением. На одной из улиц мятежники наткнулись на повозки с гладиаторской экипировкой, которую должны были доставить в другой город. Мгновенно расхватав мечи, они легко преодолели сопротивление охраны городских ворот и двинулись дальше, по пути отбирая кинжалы и дубины у случайных путников. Римские власти сначала не

---

¹⁹ Их численность, по разным оценкам, составляла от 30 до 78 человек.

Рис. 21. Карта действий отряда Спартака весной-летом 73 г. до н. э.

придали большого значения этому инциденту. Бегство рабов было настолько обычным делом в Италии, что слово *fugitivus*, т. е. беглец, стало по отношению к ним обычным ругательством. Преодолев расстояние, примерно равное одному дневному переходу (около 35 км), восставшие укрылись на давно потухшем вулкане Везувий (рис. 21). Конечно, из Капуи послали несколько военных отрядов в погоню за гладиаторами, но те, видимо, устроив засаду, не только отбили нападение, но и захватили большое количество воинского снаряжения, при этом свое гладиаторское вооружение бросили как позорное и недостойное.

Среди выбранных мятежниками предводителей, наряду с фракийцем Спартаком, упоминаются еще

двое — галлы Крикс и Эномай²⁰. При этом Спартак, видимо, с самого начала был «первым среди равных», поскольку Саллюстий называет его *princeps gladiatorum* (Sallust. Hist. III. 90). Скорее всего, так был создан своего рода военный совет, который стал руководить дальнейшими действиями восставших²¹. На первых порах они заключались главным образом в том, чтобы силой добывать продовольствие и оружие в набегах на ближайшие окрестности Везувия, где располагались прекрасные загородные усадьбы. Сообщение Аппиана (ок. 95—170 н. э.) о том, что Спартак делил захваченную добычу поровну (App. Bell. Civ. I. 116), говорит об установленной им среди восставших уже на этом этапе достаточно жесткой дисциплине, которую он стремился поддерживать и в дальнейшем.

Что же представлял собой Везувий в те времена и где там можно было занять прочную оборону? Прежде всего, вершина вулкана была тогда почти на 150 м ниже, поскольку современный конус высотой 1277 м

---

²⁰ Отметим, что очень редкое греческое имя Эномай явно не принадлежало его владельцу от рождения. Скорее всего, таким образом проводилась параллель с известным мифологическим персонажем, легендарным царем города Писа в Элиде, прославившимся своими победами в гонках колесниц и убийством проигравших состязания женихов дочери. Это имя, наделенное особым смыслом, могло быть дано новобранцу гладиаторской школы для выступлений на арене.

²¹ Возможно, эта трехчленная структура руководства сохранялась и в дальнейшем, когда погибших Эномай и Крикса сменили новые вожди, Канниций и Каст.

Рис. 22. Вид на вершину Везувия. На переднем плане — современный кратер, на заднем — остатки края древней кальдеры (Монте-Сомма)

появился в результате последующих двенадцати сильных извержений и окончательно оформился только в 1872 г.²² По описанию географа Страбона, верхняя часть вулкана была «в значительной части плоская, совершенно бесплодная, на вид пепельного цвета... в горах скал черного как сажа цвета на поверхности» (Strab. IV. 8). В целом она выглядела как обширный неглубокий кратер диаметром около 750 м, часть северо-восточной стенки которого сохранилась до наших дней в виде полукольцеобразного вала, извест-

---

²² В последний раз вулкан извергал лаву в 1944 г., уничтожив два небольших городка — Сан-Себастьян и Мас-су, при этом погибло 57 человек.

ного сейчас под названием Монте-Сомма (рис. 22). Очевидно, что это было совсем не подходящее место, чтобы обосноваться там надолго. Скорее всего, для устройства лагеря восставшие использовали примыкающую к древнему кратеру плоскую террасу Ле-Пиане. Плутарх упоминает всего одну открывавшую доступ наверх узкую и чрезвычайно крутую тропинку (Plut. Crass. 9), которую вскоре перекрыл посланный против мятежных рабов отряд вспомогательных войск численностью в 3000 человек, и вряд ли среди них было много людей, уже служивших в армии. Командовал ими претор²³ Гай Клавдий Пульхр²⁴, по иронии судьбы родственник уже упоминавшегося Аппия Клавдия Пульхра, возможно, ставшего невольным виновником дезертирства Спартака. Правда, относительно имени римского военачальника, разбившего свой лагерь у подножия Везувия, у античных авторов существуют определенные разногласия: Тит Ливий называет его Клавдий Пульхр, Плутарх — Клавдий, Флор — Клавдий Глабр, Фронтин и Орозий — Клодий. На самом деле особого противоречия тут нет, поскольку Клодий — это народно-стяжённая форма имени Клавдий, популярная у плебеев. Так, напри-

---

²³ Претор — вторая по значению должность в государственной структуре Древнего Рима, дававшая определенные гражданские, военные и судебные полномочия. После 80 г. до н. э. ежегодно избирались восемь преторов, которые после исполнения своих обязанностей отправлялись в следующем году в провинции для управления ими в ранге пропретора.

²⁴ Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. P. 109.

мер, происходивший из патрицианского рода народный трибун Публий Клавдий Пульхр с 59 г. до н. э. в демагогических целях стал именоваться Клодием.

Римляне, осадив Везувий, казалось, правильно рассчитали, что голод и жажда в конце концов вынудят восставших сдаться. Однако они глубоко заблуждались. Чтобы вырваться из ловушки, люди Спартака сплели прочные лестницы из лоз дикого винограда, густо покрывавших сверху гладкие отвесные скалы. Этот факт говорит о том, что место, где разместились беглые рабы, находилось на уровне не выше 800 м, так как это верхняя граница произрастания винограда на склонах вулкана. Дождавшись ночи, они благополучно спустились со скал, и только один человек оставался наверху с оружием, которое он передал потом вниз и присоединился к остальным.

Где же произошел этот маневр и с какой высоты пришлось спускаться? Здесь следует обратить внимание на следующее сообщение: осажденные «опустились через жерло полой горы и сошли к самой ее подошве» (Flor. III. 20. 4)²⁵. Очевидно, они воспользовались тем, что отвесный склон внутренней стороны неглубокого кратера не охранялся. Высота его в том месте, где обрывался полукруглый вал Монте-Соммы, вряд ли превышала 20 м. Среди воинов Спартака должны были быть люди, хорошо знавшие эту местность и незаметный выход из расщелины кратера к подножию вулкана. Обойдя римский лагерь с тыла, мятежники неожиданно, очевидно на рассвете, напа-

---

²⁵ Собственно, еще немецкий историк В. Друман (1786—1861) предположил, что восставшие спустились не с внешней стороны Везувия, а по внутренним расщелинам.

ли на него и навели, согласно Юлию Фронтину, «такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов» (Front. Strat. V. 21) ²⁶. Конечно, римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали, и все же подобное утверждение относительно численности нападавших, безусловно, является преувеличением и отражает только роль гладиаторов как командиров в повстанческом войске, где они были своего рода «каплей в море». Кстати, один из них, Эномай, если понимать буквально сообщение Павла Орозия о его смерти, погиб именно в этом бою (Oros. V. 23). Сражение у Везувия впервые наглядно продемонстрировало один из основных принципов военного искусства Спартака: атаковать врага там, где тебя не ждут и когда тебя не ждут. Заняв лагерь осаждавших, победители захватили достаточное количество столь необходимого им оружия, но самое главное — скоро слава о них гремела уже по всей Италии среди тех, кто ненавидел римлян. Еще жива была память о двух рабских восстаниях на Сицилии, со времени разгрома последнего из которых не прошло и тридцати лет. В свое время они составили серьезную военную угрозу власти Рима над одним из богатейших островов Средиземноморья.

---

²⁶ По количеству приведенных у Юлия Фронтина примеров успешных военных хитростей Спартака (их три) он лишь немногим уступает таким известным полководцам древности, как Алкивиад и Агесилай или Квинт Фабий Максим и Марк Антоний, и, во всяком случае, превосходит своего основного в будущем противника — Марка Лициния Красса (два примера).

ГЛАВА 2

УРОКИ ИСТОРИИ

Литературная традиция о восстаниях сицилийских рабов сохранилась достаточно полно и позволяет наглядно представить ту обстановку, в которой существовали тогда многочисленные сельские и городские рабы. В этом отношении юг Италии, позднее ставший основной базой восстания Спартака, вряд ли имел существенные отличия, разве что в худшую сторону. Но прежде чем перейти к рассмотрению взрывоопасной ситуации, сложившейся на о. Сицилия в последней трети II в. до н. э., стоит вкратце остановиться на вопросе о положении рабов, труд которых был основой экономики поздней Римской республики. Источники для пополнения их рядов были многообразны — завоевательные войны, пиратство, долговое рабство в провинциях, естественный прирост количества рабов. Понятно, что в эпоху почти непрерывных военных действий Рима в различных областях Средиземноморья наиболее эффективным способом увеличения массы рабов был захват пленных. Самая впечатляющая в данном отношении цифра связана с сообщением о продаже в рабство 150 тыс. человек после раз-

грома в 167 г. до н. э. городов Эпира консулом Эмилием Павлом (Polyb. XXX. 15; Liv. XLV. 34. 5—6).

Цены на рабов колебались в зависимости от интенсивности их притока на рынок. В сравнительном плане можно привести такие данные: 600 сестерциев¹ за рабыню считалось дешевой платой, а ведь это сумма, на которую небольшая крестьянская семья могла питаться целый год. Способный юноша, знающий греческий язык, как и опытный виноградарь, стоил вчетверо дороже. Красивых молодых людей продавали порой по 100 и 200 тысяч сестерциев². Так же высоки были цены на рабов, обладающих особой квалификацией, — поваров, танцовщиц, актеров, врачей и т. п. Эти рабы, относившиеся к так называемой городской фамилии (*familia urbana*), оказывались в привилегированном положении, поскольку к ним относились достаточно мягко, тогда как те, кто входили в сельскую фамилию (*familia rustica*), подвергались наиболее суровой эксплуатации. С раннего утра до поздней ночи они были заняты на полевых работах. У них практически не оставалось времени на отдых и личную жизнь. Провинившихся заковывали в кандалы с цепью достаточно длинной, чтобы ходить, но слишком короткой для побега, а на ночь запирали в особые тюремные помещения — *эргастулы*. На особом положении были пастухи, передвигавшиеся со стадами скота на расстояние до 300 км. Обычно им выдавали лошадей и оружие, чаще всего копье, для

---

¹ Сестерций — мелкая серебряная монета весом около 1 г.

² Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. С. 253.

защиты от волков и грабителей. Самой тяжелой считалась жизнь рабов, занятых в рудниках и каменноломнях или попавших в гладиаторскую школу. Юридическое положение раба предельно просто: это не личность, а вещь, целиком принадлежащая своему хозяину. Известна классификация сельскохозяйственного инвентаря, составленная современником Спартака писателем Марком Теренцием Варроном (116—27 до н. э.): орудия немые (соха, плуг, грабли и т. п.), орудия полунемые (рабочий скот) и орудия говорящие (рабы). Не иметь ни одного раба считалось признаком крайней нищеты. Зато у признанных римских богачей могло быть до нескольких тысяч рабов.

Отношение к рабам во многом зависело от характера и общественного положения хозяина. В маленьком крестьянском хозяйстве обычно обходились без мелочных придирок и произвола. Образованные люди позволяли своим рабам оставлять завещания, заботились о заболевших, разрешали им приглашать гостей и отмечать праздники. Но так было далеко не всегда. Смена настроения или прихоть господина могли обречь раба на жесточайшие истязания за какой-нибудь ничтожный проступок. Порка, как и плохая еда, была обычным и повседневным явлением. За непростительную, с точки зрения господина, провинность раба могли распять, предварительно вырезав ему язык. Во что мог вылиться протест против невыносимых условий жизни? «Сколько рабов, столько врагов» — эта поговорка возникла не на пустом месте. Существовали такие формы борьбы, как бегство, убийство хозяев или уничтожение их имущества. Лишь в отдельных случаях дело доходило до воору-

женных выступлений. Первое крупное движение рабов возникло в 196 г. до н. э. в Этрурии. Для подавления его пришлось направить целый легион регулярных войск. Девять лет спустя в Апулии восстали рабы-пастухи, и семь тысяч из них претор Постумий приговорил к смерти на кресте, как это было принято в отношении бунтовщиков. В одной из комедий Плавта (ок. 250—184 до н. э.) раб говорит: «Я знаю, что моим последним жилищем будет крест: на нём покоятся мой отец, дед, прадед и все мои предки». Сначала осужденных подвергали порке бичами, затем с поперечиной будущего креста, имевшей форму бруса (*патибулум*) гнали ударами плетей на место казни. Там преступника, уже прибитого к перекладине, с помощью веревок втаскивали на вершину заранее установленного деревянного столба. При этом гвозди вгоняли не в ладони, а в запястья — только так можно было удержать тело на кресте. Иногда в центре вертикального столба прикрепляли небольшой выступ, на который распятый мог опереться. Погибал он долго и мучительно, обычно в течение нескольких дней. Основной причиной смерти наряду с обезвоживанием и потерей крови была асфиксия, вызываемая развивающимся отёком легких и утомлением мышц брюшного пресса.

Но даже жестокие показательные меры не могли сломить стремление римских рабов к свободе. И вот в 136—132 гг. до н. э. разразилась первая «рабская война», охватившая весь остров Сицилия. Благоприятные условия для нее были созданы благодаря огромной степени концентрации рабов, прежде всего сирийского происхождения, которые легко могли дого-

вориться между собой. Обычно подобной ситуации старались избегать. Начавшееся восстание местный уроженец Диодор Сицилийский (90—30 гг. до н. э.) характеризует следующим образом: «...многие города подверглись страшным бедствиям; бесчисленное количество мужчин и женщин с детьми испытало величайшие несчастья, и всему острову угрожала опасность попасть под власть беглых рабов, усматривавших в причинении крайних несчастий свободным людям конечную цель своей власти. Для большинства это явилось печальным и неожиданным; для тех же, кто мог глубоко судить о вещах, случившееся казалось вполне естественным. Благодаря изобилию богатств у тех, которые высасывали соки из прекрасного острова, почти все они стремились прежде всего к наслаждениям и обнаруживали высокомерие и наглость. Поэтому в равной мере усиливалось дурное обращение с рабами и росло отчуждение этих последних от господ, прорывавшееся в ненависти против них. Много тысяч рабов без всякого приказа стеклось, чтобы погубить своих господ...» (Diod. XXXIV. 2. 1).

Вспыхнувший мятеж спровоцировали крупные землевладельцы, казалось, пытавшиеся превзойти друг друга в жадности и жестоком отношении к рабам. Достаточно характерный эпизод связан с богачом Дамофилом, к которому однажды пришли полуголые пастухи и попросили выдать им одежду. Они получили следующий ответ: «Что же, разве путешественники ездят голыми по стране и не дают готового снабжения тем, которые нуждаются в одежде?» (Diod. XXXIV. 2. 38). Непонятливых рабов, посмеявшихся обратиться лично к хозяину, было приказано привязать

к столбам и высечь, а потом отпустить. Урок не пропал даром. Скоро всю Сицилию наводнили отряды разбойников, и дороги стали небезопасны. Римские наместники предпочитали смотреть сквозь пальцы на бесчинства разбойничающих пастухов во вверенной им провинции, лишь бы не ссориться с влиятельными лицами, на землях которых совершались нападения. Уже упомянутый Дамофил чувствовал себя настолько безнаказанным, что вооружил целый отряд рабов, сопровождавших его в путешествиях по Сицилии. В конечном итоге это оружие обратилось против него самого.

Рабы из дома Дамофила, особенно часто подвергавшиеся неожиданным и унижительным наказаниям, не выдержали и обратились за советом к своему собрату по несчастью сирийцу Евну, который почитался ими как волшебник и прорицатель. Тот не только поведал заговорщикам о благоволении богов, но и настоял на скорейшем их выступлении. В результате наскоро собранные и вооруженные чем попало четыреста человек, к которым тут же присоединилось множество городских рабов, неожиданно напали на считавшийся неприступным город Энну, расположенный в центре Сицилии, на высоком холме, обрывистом со всех сторон (рис. 23). Они врываются в дома, убивали, грабили и насиловали. Евн, выбранный восставшими царем, созвал народное собрание и приказал казнить всех пленных горожан кроме оружейников, которые в кандалах должны были работать и дать его людям возможность в дальнейшем успешно сражаться за свою свободу.

Рис. 23. Вид на современный город Энна

В качестве правителя новоявленный царь стал носить диадему и соответствующее облачение. Он окружил себя умными и дальновидными людьми, вошедшими в его совет. Среди них особое положение занял грек по имени Ахей, много сделавший для укрепления быстро растущей армии рабов. Конечно, ее вооружение — топоры, серпы, пращи, обожженные палки — оставляло желать лучшего, но когда численность воинов под началом Ахея достигла 10 000 человек, он стал открыто нападать на римлян и нанести им несколько поражений. Скоро численность восстановивших возросла еще на 5000 воинов за счет отряда рабов во главе с бывшим киликийским пиратом Клеоном, прибывшим с юго-запада Сицилии. Только тог-

Рис. 24. Античный театр в Тавромении

да из Рима на остров отправили для наведения порядка восьмитысячное войско претора Луция Гипсея. Однако этого оказалось явно недостаточно. Последовавший разгром римлян вызвал усиление притока рабов в Энну, и вскоре Евн располагал уже семидесятитысячной армией, способной брать города и успешно противостоять брошенным против него военным силам.

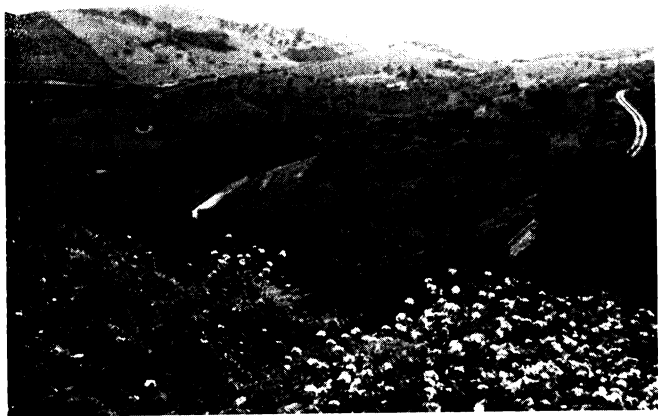
Лишь третьему из отправленных на остров консулов, Публию Рупилию, после длительной осады и захвата Тавромения (совр. Таормина), укрепленного города на восточном побережье Сицилии (рис. 24), удалось изменить ситуацию в свою пользу. Следующей целью этого полководца стала расположенная в

100 км к юго-западу Энна. Защитники крепости продолжали стойко держаться даже после случайной гибели Клеона во время неудачной вылазки. Как и Тавромений, Энна пала, став жертвой предательства, однако царю Евну удалось бежать. Несколько позже он все-таки был схвачен римскими солдатами и умер в тюрьме. Так завершилось первое сицилийское восстание рабов, подавленное ценой огромных потерь.

К концу II в. до н. э. в положении сицилийских рабов мало что изменилось, и в 104 г. до н. э. остров оказался охвачен новой волной насилия. Правда, на этот раз очередное восстание быстрее перешло от этапа стихийных массовых акций к созданию нового рабского государства. Его успехи во многом объясняются крайне неблагоприятной на тот момент для Рима ситуацией, так как начавшееся наступление германских племен кимбров и тевтонов завершилось на первых порах ужасающим разгромом нескольких римских армий. Сначала мятеж вспыхнул на западе Сицилии, в области Галикий, где 30 рабов убили своих господ, а затем освободили своих товарищей в соседних усадьбах. Когда их число увеличилось вчетверо, они заняли чрезвычайно удобное для обороны природное место и дополнительно укрепили его. Тут же немедленно стали стекаться вооруженные рабы. Очевидная опасность побудила претора Лициния Нерву начать осаду лагеря мятежников, но взять его он оказался не в состоянии. Только хитрость и подкуп помогли римскому военачальнику перебить восставших, однако вскоре беспорядки вспыхнули с новой силой. Из юго-западной части острова пришло сообщение о том, что 80 рабов римского всадника Публия

Клодия убили своего господина. Пока собирали новый отряд солдат, уже около 2000 человек успели примкнуть к восстанию. Подавить его силами одной когорты из гарнизона Энны не удалось. Более того, она была обращена в бегство, потеряв при этом много оружия. Молва об этом быстро разошлась по острову, и через несколько дней войско восставших увеличилось втрое. К ним присоединялись и «бедняки из числа свободных, которые предавались всевозможным бесчинствам и грабежам» (Diod. XXXVI. 5. 6).

После успешного сражения повстанцы выбрали своим царем гадавшего по внутренностям животных прорицателя Сальвия, что, несомненно, является признаком того, насколько большое значение они придавали религиозному аспекту власти. Сальвий разделил военные силы восставших на три отряда, которые должны были очистить от римлян остров, а также вербовать приверженцев и собирать оружие и лошадей для формирования конницы. Помимо всего прочего, разделение армии на три части облегчало снабжение ее продовольствием, ибо крупные города закрывали ворота перед рабами. «Их жители, — писал Диодор, — едва-едва могли считать своим лишь то, что находилось внутри городских стен, то же, что было за ними, считали чужим и принадлежавшим рабам в силу незаконного захвата» (Diod. XXXVI. 5. 6). В конце концов все войско Сальвия, которое насчитывало 20 000 пехотинцев и 2000 всадников, сосредоточилось у Моргантины на юго-востоке Сицилии (рис. 25). Неоднократные попытки взять штурмом городские укрепления закончились неудачей. Между тем подошедшая десятитысячная армия Лициния Нер-

Рис. 25. Вид на окрестности древней Моргантины

вы легко овладела слабо охранявшимся лагерем повстанцев, но тут же потерпела поражение под натиском их превосходящих сил. Эта громкая победа позволила рабам захватить оставленный противником лагерь, в изобилии получить столь необходимое им оружие и удвоить численность их армии. Моргантина, тем не менее, продолжала ожесточенно сопротивляться, в немалой степени благодаря тому, что местным рабам обещали свободу в обмен на участие в войне. Правда, когда осада была снята, эти обещания не были выполнены, и в результате большинство обманутых перешли на сторону Сальвия.

Как и в период первого восстания, в западной части острова появился еще один вождь восставших

рабов, тоже бывший киликийский пират — знаток астрологии Афинион, по желанию своих приверженцев увенчавший себя царской диадемой. Предпринятые им действия показали, что он вполне достоин этого титула. Только самых сильных из тех, кто пошел за ним, он сделал воинами, остальные должны были заниматься обычным трудом и обеспечивать армию продовольствием. Собрав войско из 10 000 человек, Афинион решился на осаду хорошо укрепленного города Лилибея. Когда сопротивление его защитников сломить не удалось, он заявил, что боги посредством звезд повелели ему снять осаду во избежание больших бедствий. Последующие события, связанные с высадкой на острове войск, переброшенных из Северной Африки, еще больше убедили рабов в его удивительной способности познавать волю богов.

Тем временем Сальвию с тридцатитысячной армией удалось закрепиться в плодородных районах Восточной Сицилии. Приняв тронное имя Трифон, он сделал своей резиденцией горную крепость Триокала, окруженную плодородными полями и долинами.туда был приглашен для переговоров второй рабский царь Афинион, отказавшийся, вопреки ожиданиям римлян, от притязаний на верховную власть и ставший военачальником Трифона. Теперь при царе действовал Совет из числа наиболее рассудительных людей, а сам он появлялся в облачении римского консула³ — тоге с пурпурной полосой. При этом его сопровождала почетная охрана — ликторы, которые

---

³ Консул — один из двух выборных высших римских магистратов, каждого из которых сопровождали двенадцать ликторов.

несли на плечах атрибуты власти высших римских магистратов — фасции, представлявшие собой связанные ремнями красного цвета пучки березовых или вязовых прутьев. В них на период ведения военных действий втыкали топор в знак права распоряжаться жизнью и смертью людей (рис. 26).

В какой-то момент на острове установилось равновесие сил: римляне были не в состоянии подавить движение восставших рабов, а рабы — взять штурмом города, оставшиеся верными Риму. Наконец сенат отправил для подавления восстания семнадцатитысячную армию под руководством Луция Лициния Лукулла, отца будущих известных полководцев Луция и Марка Лукуллов. В этой ситуации царь Трифон укрылся за стенами Триокалы, но его военачальник Афинион предпочел открытое столкновение с врагом и двинул свое сорокатысячное войско навстречу Лукуллу. «Сначала завязалась частая перестрелка, затем противники построились в боевом порядке. Успех склонялся то на одну, то на другую сторону, и много народа пало с обеих сторон. Афинион, сражаясь во главе отборного отряда всадников в 200 человек, усеял трупами все окружающее его пространство, но, раненный в оба колена, он, после того как получил еще третью рану, выбыл из строя. Поэтому рабы пали духом и обратились в бегство» (Diod. XXXVI. 8. 3). На поле битвы остались лежать тела более 20 000 повстанцев, остальные укрылись в Триокале. Сам Афинион был ранен и спас себе жизнь только тем, что вовремя притворился мертвым. Впрочем, Лукулл не сразу воспользовался плодами своей победы и появился под стенами царской крепости лишь на девятый день. Рабы отчаянно сопротивлялись и выну-

Рис. 26. Рельеф с изображением ликторов

дили римлян отступить, после чего сенат отозвал Лукулла и затем отправил его в ссылку как не оправдавшего доверия. Не лучшая судьба ждала и его преемника Гая Сервилия, не совершившего ничего достойного упоминания. Положение дополнительно осложнилось из-за вражды между римскими военачальниками. Так, Лукулл, прежде чем сдать командование, «распустил солдат, сжег палисады и обоз, желая, чтобы его преемник не имел никаких сколько-нибудь значительных средств для ведения войны...» (Diod. XXXVI. 9. 2).

В это время умер царь Трифон, и его место на троне занял Афинион, беспрепятственно осаждавший многие сицилийские города. Положение дел стало решительно меняться только в 101 г. до н. э., когда задача усмирить Сицилию была возложена на консула Мания Аквилия. Продемонстрировав в ожесточенной битве с повстанцами личное мужество, он убил Афиниона в поединке. Вскоре после этого, в 100 г. до н. э., второе сицилийское восстание рабов было окончательно подавлено. Последними сдались около тысячи рабов, которых Аквилей освободил от немедленного наказания и, отведя в Рим, сделал гладиаторами. Эти события наглядно показали всю опасность масштабных рабских движений, хотя никто из римлян тогда еще не знал, что самая крупная война такого рода предстоит в недалеком будущем на земле самой Италии. По самым скромным оценкам, общая численность рабов на Апеннинском полуострове во времена Спартака могла достигать до двух миллионов человек, составляя около 30 % всего населения. Эту ситуацию можно сравнить с пороховой бочкой, готовым взорваться в любую минуту.

ГЛАВА 3

ПОБЕГ, СТАВШИЙ ВОЙНОЙ

Если вернуться к началу восстания 73—71 гг. до н. э. на юге Италии, то следует отметить, что именно победа под Везувием стала той гранью, которая обозначила перерастание действий отряда беглых гладиаторов и рабов в войну, названную, по имени их предводителя, Спартаковской. Надо сказать, что такой чести достаивались только самые серьезные противники Рима, например, нумидийский царь Югурта, понтийский царь Митридат или мятежный военачальник Серторий, поскольку обычно римляне именовали войны по стране или местности, где шла война, или по племени, с которым они воевали.

После первого крупного успеха восставшие, по видимому, оставили прежние позиции на склоне горы и разместились на территории бывшего римского лагеря, куда с новой силой стали стекаться сельские и городские рабы из ближайшей округи, пастухи — «народ все крепкий и проворный», и даже кое-кто из «сельских свободных рабочих» (App. Bell. Civ. I. 116).

Среди них, наверно, было немало тех италиков¹, которые в 83—82 гг. до н. э. выступили в поддержку врагов Суллы, а потом подверглись изгнанию и конфискации имущества. Сильнее всего пострадали жители таких областей, как Кампания, Лукания, Самний, Северная Апулия, Пицен, то есть именно тех, где позднее разворачивались основные события восстания Спартака². Особенно суровые меры коснулись тогда племени самнитов, у которых отобрали город Нолу и прилегающие к нему земли, поделив их между сулланскими ветеранами из состава 27 легионов. Конечно, на волне возмущения многие из униженных и обездоленных италиков покинули родные места, но, надо полагать, в местности, отстоявшей всего на 12 км от подножия Везувия, еще оставались тысячи людей, люто ненавидевших римлян. В этой связи становятся понятными слова Аппиана по поводу планов понтийского царя Митридата VI Евпатора предпринять в 63 г. до н. э. против Рима поход из Северного Причерноморья: «...он знал, что недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаком» (App. Mithr. I. 109)³. Но это была, да и то лишь отча-

---

¹ И т а л и к и — говорившие на италийских языках народы, населявшие центральную и южную часть Апеннинского полуострова и покоренные римлянами в V—III вв. до н. э.

² Bodor A. The ethnic and social composition of the participants in the slave uprising led by Spartacus. P. 89.

³ Крайней точкой зрения в данном вопросе является мнение, согласно которому восстание Спартака на самом

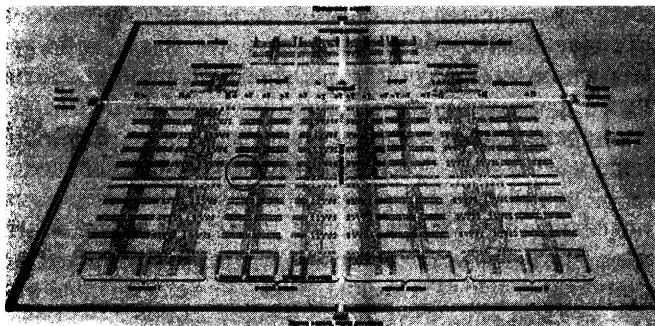
сти, сельская Италия, поскольку ни один город сам по себе не примкнул к восстанию.

Надо полагать, что многие из вступавших в ряды войска Спартака успели приобрести некоторый опыт за годы службы в римских вспомогательных войсках, а может быть, в недавнем прошлом, как и сам вождь мятежных рабов, были военнопленными, успев повоевать в составе армий эллинистических царей или принять участие в межплеменных войнах. К большей части остальных полностью применимы довольно категоричные слова Катона Старшего (234—149 до н. э.): «Из тех, кто обрабатывает землю, выходят самые сильные люди и самые смелые солдаты» (Cato. De agri cultura. 1).

За основу их военной подготовки, очевидно, была взята хорошо знакомая Спартаку по личному опыту система обучения, принятая в римской армии. Она заключалась в том, что молодые солдаты в полевых условиях должны были постоянно упражняться в стрельбе из лука, бросании копий и метании камней из пра-

---

деле было движением беднейших слоев италийских крестьян, пострадавших от репрессий Суллы (см.: *Orena R. Rivolta e rivoluzione*). Между тем преуменьшить роль бывших рабов в армии Спартака вряд ли представляется возможным. В этой связи можно вспомнить слова Афиней со ссылкой на Цецилия Калактинского о том, что Спартак «взбунтовал многое множество рабов и долго ходил набегами по всей Италии, и к нему каждый день стекались рабы; и если бы он не погиб в битве против Лициния Красса, то нашим хватило бы с ним хлопот, как с Евном в Сицилии» (Athen. VI. 104).

Рис. 27. План римского военного лагеря
(по: Коннолли, 2000)

щи, при помощи коротких палок вместо мечей учиться колоть и рубить, а также двигаться в полном вооружении согласно приказам или сигналам. В равной степени их заставляли бегать и прыгать, чтобы быстро преодолевать рвы. Большое значение придавалось закреплению навыков быстрого возведения окруженного рвом и валом укрепленного лагеря (рис. 27) с регулярно сменяемыми постами и караулами.

Изнурительные ежедневные тренировки начинались с отработки военного шага, «поскольку ничто не должно было соблюдаться на марше или в сражении так тщательно, как сохранение строя всеми солдатами» (Veget. I. 9). В итоге добивались того, что новобранцы с грузом около 20 кг за пять часов проходили обычным шагом 29 км, а ускоренным — 35 км. Далее надо было отрабатывать тактические построения и закреплять навыки быстрого возведения окруженного рвом и валом укрепленного лагеря (рис. 27) с регу-

лярно сменяемыми постами и караулами, приучать к специальным трубным сигналам, подаваемым по усмотрению командующего. Огромную роль постоянных упражнений для обучения молодых солдат особо подчеркивал современник описываемых событий Цицерон: «...какой труд требуется от войска на походе — нести на себе полумесячное довольствие, нести повседневную утварь, нести колья для вала! Щит, шлем и меч я не причисляю к этому грузу, как не причисляю плечи, мышцы, руки, — ведь оружие для солдата все равно что часть тела... Молодость новобранцев — отличное свойство, но терпеть труды и презирать раны учит только опыт» (Cic. Tusc. II. 16. 37—38).

Благодаря ускоренной подготовке, которая в мирных условиях обычно занимала около четырех месяцев⁴, и постоянно приобретававшемуся боевому опыту, воины Спартака скоро прекрасно знали, как им реагировать на те или иные действия врага. Роль инструкторов по многим вопросам, скорее всего, продолжали играть первоначальные участники восстания — гладиаторы. Лучших учителей индивидуального боя нельзя было и желать⁵. Когда римляне в 105 г. до н. э. после поражения двух армий в столкновении с германскими племенами кимвров и тевтонов впервые решили применить методы обучения гладиаторов при подготовке солдат, консул Публий Рутилий призвал в войска инструкторов из гладиаторской школы Гая

---

⁴ Махлаюк А., Негин А. Римские легионы в бою. С. 184.

⁵ Для обучения навыкам действий в правильном строю требовались совсем другие наставники, поскольку гладиаторов к этому, естественно, не готовили.

Аврелия Скавра в Капуе, «чтобы те внедрили в легионах более изощренную технику нанесения ударов и уклонения от них» (Val. Max. III. 3.2). В дальнейшем известный полководец Марий, имея возможность выбрать для себя одну армию из двух существующих, «предпочел Рутилиево войско, хотя и менее численное, но считавшееся более обученным» (Front. Strat. IV. 2. 2).

Воины, уже прошедшие подготовку, могли, в свою очередь, сами готовить новобранцев. Правда, катастрофически не хватало оружия. Очевидно, к этому периоду относятся сообщения Фронтинана — о том, что «у Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой» (Front. Strat. VII. 6)⁶, и Саллюстия — о беглых рабах, обжигавших «на огне копья, которыми, хотя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными» (Sallust. Hist. III. 96). Конечно, со временем ситуация должна была измениться, и после ряда победных сражений участники восстания вряд ли особенно отличались от римлян по составу наступательного и защитного вооружения. Что же в него входило? Типичный легионер этого времени имел при себе два метательных дротика — *пилума*, на левом бедре — небольшой кинжал, а на

---

⁶ Впрочем, с учетом того, что во времена поздней республики самниты из Лукании еще пользовались сплетенными из лозы щитами, обтянутыми овечьими шкурами (Коннолли П. Греция и Рим. С. 109), можно предположить в данном случае применение местных племенных традиций для изготовления защитного вооружения.

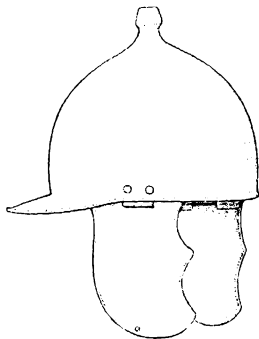

Рис. 28. Римские легионеры на рельефе алтаря
Домиция Агенобарба. 1-я пол. I в. до н. э.

правом, в ножнах на пояском ремне, — гладиус. Основным средством защиты служил скутум овальной формы (рис. 28). Голову обычно защищал железный или бронзовый шлем типа «Монтефортино», имевший чашеобразный верх, небольшой назатыльник и подвижные нащечники, полностью закрывавшие уши и отчасти лицо (рис. 29). Широкое распространение среди римских легионеров получила кольчуга с короткими рукава-

ми и разрезами, необходимыми для большей свободы движений. На ногах воинов были кожаные сандалии, подбитые гвоздями. В обязательный комплект на марше входили плащ, саперная лопатка и кухонные принадлежности.

Можно полагать, что основными подразделениями армии рабов, как и у римлян, были легионы численностью не менее 4800 человек, формировавшиеся, судя по всему, на определенной этнической основе, что, по крайней мере, могло снять трудности в общении между людьми. Соответственно, каждый легион, которым, скорее всего, командовал выборный военачальник, состоял из десяти когорт, имевших самостоятельное тактическое значение. По-видимому, восставшие использовали и принятые у римлян воинские знаки, удобные для управления войсками в бою. В их обозе, судя по ряду упоминаний древних авторов, со

Рис. 29. Шлем типа Монтефортино

временем появилось все необходимое для развертывания мастерских по изготовлению оружия (Flor. III. 20.6; App. Bell. Civ. I. 116).

Надо признать, что Спартак проявил себя как превосходный военный лидер с выдающимися организаторскими способностями, создав в кратчайшие сроки хорошо подготовленную и дисциплинированную армию по образцу римской, лучшей для того времени, из людей, разных по социальному положению и этническому происхождению. Плутарх писал, что в войне с восставшими рабами римлянам пришлось «воевать со всеми народами сразу» (Plut. De Pyth. Orac. 11). Другой античный автор, Синезий, отмечал: «Те, которые соединились с Криксом и Спартаком, были не из той же страны, из которой эти предводители, и не принадлежали к той же народности, но общность судьбы в благоприятный момент сделала их единомышленниками» (Syn. De regno. 20). Одни из них «стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных» (Plut. Crass. 9). Последних, на тот момент, видимо, было большинство, но, в условиях ведения войны в горных районах, это обстоятельство нередко оборачивалось определенным преимуществом, поскольку легкая пехота оказывалась незаменимой при занятии высотных позиций, организации засад и преследовании отступающего врага. Тогда же, видимо, было положено начало формированию конницы, достаточно многочисленной благодаря притоку в нее тысяч бывших пастухов с захваченными на пастбищах табунами лошадей.

Между тем в Риме по-прежнему продолжали рассматривать действия Спартака как обыкновенные разбойничьи нападения, с которыми не так уж трудно будет справиться. Правда, на тот момент в распоряжении сената не было ни опытных полководцев, ни закаленных в боях воинов. Они были заняты в тяжелейших войнах за пределами Италии и потому не могли быть использованы против опустошавших юг страны рабов. Тем не менее была предпринята вторая серьезная попытка изолировать восставших в районе Везувия военными силами численностью не менее двух легионов под командованием претора Публия Вариния Глабра⁷, который, так же как и его предшественник, не блистал военными талантами. Спартак, как показали дальнейшие события, никогда не упускал случая уничтожить силы врага поодиночке, в полной мере используя прекрасно знакомые ему партизанские методы ведения боя в горной и пересеченной местности. В этих условиях знание тактики врага, сильных и слабых сторон его военной организации давало ему значительное преимущество. Образно выражаясь, он побеждал римлян тем, что избегал невыгодных сражений, выжидая удобный момент для нападения. Кроме того, у Спартака было на тот момент все, что, по словам Наполеона, нужно преуспевающему полководцу: невероятное везение и глупый противник.

---

⁷ У Аппиана вследствие путаницы с именами римских военачальников, первыми выступивших против Спартака, претор Публий Вариний Глабр разделен на два персонажа: Вариния Глабра и никогда не существовавшего Публия Валерия (App. Bell. Civ. I. 116).

Вступив в бой с передовым отрядом из трех тысяч человек во главе с Фурием, легатом⁸ Вариния, гладиаторы обратили его в бегство. Затем настал черед большего по численности и расположившегося отдельным лагерем войска Луция Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности⁹. Коссиний явно недооценивал своего противника. Спартак воспользовался этим и едва не взял его в плен, когда тот купался близ Салин, селения между Геркуланумом и Помпеями. Преследуя по пятам бежавшего римского военачальника, он после кровопролитного боя захватил его лагерь, при этом погиб и сам Коссиний. Создается впечатление, что Спартак большое внимание уделял разведке и, как правило, располагал исчерпывающей информацией о своих врагах.

На известие об очередном поражении армия Вариния отреагировала полным смятением и начавшимся дезертирством солдат. В итоге непосредственно под его командованием осталось всего 4000 человек, среди которых многие болели из-за стоявшей тогда суровой непогоды. Это обстоятельство заставило римского полководца разместить их в лагере, укрепленном валом, рвом и огромными насыпями. Помощи он запрашивать не стал, полагаясь на собственные силы, и даже отказался от первоначального намерения от-

---

⁸ Л е г а т — командир легиона из числа бывших должностных лиц, обычно назначался сенатом по предложению консула.

⁹ *Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. P. 110.*

править в Рим своего квестора¹⁰ Гая Торания¹¹, чтобы сенат не узнал об истинном положении дел. Организованная Варинием, видимо, с помощью дополнительных военных сил под началом Торания, блокада лагеря повстанцев¹² оказалась достаточно жесткой. Тем не менее Спартаку, несмотря на перебои с продовольствием, удавалось поддерживать среди своих людей строгую дисциплину, а вскоре им была успешно использована очередная военная хитрость. Римлянам удалось обмануть с помощью оставленного в лагере трубача, подававшего обычные сигналы, и привязанных к столбам перед воротами трупов в одежде и с оружием, на расстоянии казавшихся часовыми. Дождавшись второй ночной стражи, т. е. около полуночи, мятежники скрытно в полном молчании вышли из лагеря, где продолжали гореть костры, и надолго оторвались от преследования. Когда рассвело, Вариния удивила стоявшая вокруг необычная тишина. Напрас-

---

¹⁰ Квестор — один из римских магистратов, мог прикомандировываться к военачальнику для ведения финансовых дел его армии.

¹¹ Гай Тораний был в Риме достаточно известным человеком. Впоследствии, в 59 г. до н. э., он получил должность эдила вместе с Луцием Октавием, назначившим его опекуном своего сына Октавиана, будущего создателя Римской империи. Впрочем, расхождения в политических взглядах между воспитанником и опекуном обрекли Торания на смерть в числе прочих жертв проскрипций 43 г. до н. э.

¹² Их численность, если сопоставить имеющие отношение к последующим событиям сообщения Саллюстия и Орозия, не превышала 20 000 человек (см.: Sallust. Hist. III. 98; Oros. V. 24. 2).

но он ждал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять в его солдат камни. Не обнаружив никого, римский полководец, опасаясь засады¹³, отступил «в боевом порядке, рассчитывая, набрав новых солдат, удвоить численность своего войска» (Salust. Hist. III. 96). Далее у Саллюстия следует незаконченная фраза: «Как только в Кумы...», из которой следует, что Вариний отвел свою армию на переформирование к этому богатому торговому городу, в прошлом одному из главных центров греческого культурного влияния на Рим. Вряд ли ему удалось найти там испытанных ветеранов для пополнения своих военных сил. Скорее это были наспех собранные случайные люди, совсем не рвавшиеся в бой. Боевые качества подобных новобранцев всегда оставляли желать лучшего. В аналогичной ситуации применительно к событиям более позднего времени Тацит писал: «...хотя этим солдатам недавно дали значки и оружие, принятые в нашей армии, они, по сути дела, остались прежними ленивыми и распущенными греками» (Tac. Hist. III. 47).

Полученная Спартаксом передышка и ускоренное обучение его воинов не пропали даром: когда Вариний отважился напасть на их новый лагерь, то был разбит наголову. Вопреки здравому смыслу, он неосмотрительно повел «быстрым шагом к лагерю новых и незнакомых ему беглых солдат, к тому же напуганных чужими неудачами, хранящих молчание и вступающих в сражение вовсе не с тем мужеством, какое от них требовалось». Между тем среди вождей вос-

---

¹³ Эта фраза показывает, что для тактики Спартака засады были обычным явлением.

стания вспыхнули раздоры из-за плана дальнейших действий. Саллюстий писал: «Крикс и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед, чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения» (Sallust. Hist. III. 96). Вероятно, его план заключался в том, чтобы дать противнику растратить силы при штурме лагеря, а потом нанести ему неожиданный удар. Детали этой битвы нам неизвестны, зато итог очевиден: Вариний не только потерпел поражение и потерял свои полевые укрепления, но и утратил в столкновении со Спартаком коня, ликторов и чуть было сам не попал в плен.

Отнятые в ходе сражений у преторов Клавдия и Вариния фасции мятежники отдали своему предводителю (Flor. III. 20. 7). Отсюда можно сделать вывод о том, что в итоге у него оказалось такое количество этих знаков власти, какое положено консулу, то есть двенадцать. Вряд ли приходится сомневаться в том, что с этого времени Спартак стал носить консульское облачение, набрал ликторов и пользовался этими символами достоинства высшего должностного лица в Римской республике, чтобы еще больше возвыситься в глазах своих воинов, и прежде всего тех италийцев, которые встали на его сторону. Этот момент достаточно показателен, поскольку вожди предшествующих рабских восстаний против могущественного Рима среди своих приверженцев, в основном восточного происхождения, предпочитали носить знаки царской власти. Только вождь второго восстания рабов на о. Сицилия Трифон, приняв царский титул, мог иногда появиться на людях в консульской тоге с пурпурной полосой в сопровождении почетной охраны, состоявшей из ликторов.

ГЛАВА 4

ОТ ЛУКАНИИ ДО ЦИЗАЛЬПИНСКОЙ ГАЛЛИИ

Опьяненные военными успехами, многие из восставших требовали идти навстречу врагу, «полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость... большинство же — из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость...» (Sallust. Hist. III. 98). В конце концов Спартак сумел доказать, что следует, не вступая в соприкосновение с противником, двинуть армию в соседнюю область — Луканию, чтобы пополнить ее отборными воинами из числа рабов-пастухов. С помощью подходящего проводника из числа пленных отрядам рабов удалось незаметно подойти к Луканским Нарам, а оттуда так же скрытно, на рассвете, — к Форуму Анния. Правда, тайну выбранного маршрута движения удавалось сохранять только на первых порах. Видимо, весть о приходе долгожданного избавления явилась той искрой, которой не доставало, чтобы пожар мятежа полыхнул во всю силу и стал распространяться со скоростью, опережавшей движение армии восставших. Повсюду запылали усадь-

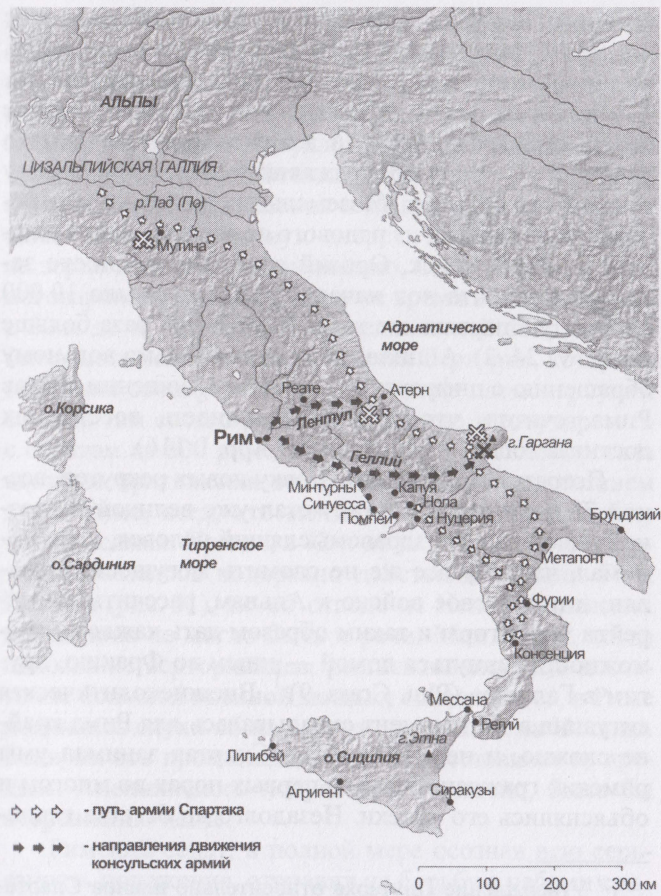
бы рабовладельцев, а над ними самими вершились суд и расправа. Сдерживаемые до тех пор страсти вырвались наружу. Пренебрегая приказом своего вождя, повстанцы хватали и насиловали девушек и матрон, «поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного» (Sallust. Hist. III. 98). Подобные дикие выходки сильно вредили Спартаку, подрывая его авторитет среди италийского населения. Он пытался пресекать бесчинства своих воинов и даже велел с почестями похоронить знатную римскую матрону, «которая, не перенеся позора бесчестья, сама лишила себя жизни». Как сообщает Павел Орозий, на ее погребении «устроили гладиаторские бои с участием четырехсот пленников — разумеется, что те, кто должны были бы быть предметом зрелища, стали зрителями — действуя скорее как мастера гладиаторов, нежели как руководители войска» (Oros. V. 24. 3). Впрочем, здесь можно усмотреть определенную долю «черного юмора», особенно если в завещание высокопоставленной дамы было включено требование провести на погребальной церемонии гладиаторские поединки. Видимо, это своего рода перевертывание социальных отношений в виде опыта организации игр с участием гладиаторов-римлян отвечало взглядам бывших рабов на восстановление справедливости. К тому же в условиях периодически возникавших проблем с нехваткой продовольствия пленные становились слишком тяжелой обузой. В любом случае, размах представления был по тем временам потрясающим. Никто

до тех пор не слышал, чтобы одновременно сражались 200 пар бойцов. Этот рекорд был перекрыт только через восемь лет, когда Юлий Цезарь, дожидаясь должности эдила, устроил игры в честь покойного отца и выставил на арену сразу 320 пар гладиаторов, одетых в доспехи из чистого серебра. В 56 г. до н. э. Цицерон вспоминал о грандиозных зрелищах, организованных Спартаксом, в связи со священными играми, устроенными, как он считал, по его примеру народным трибуном Клодием. «Ты, — обращаясь к нему, говорил Цицерон, — на одни места пустил рабов, а с других согнал свободных» (Cic. De harusp. 12. 22—26).

Война продолжалась, и вскоре развернулось новое сражение, в котором потерпел неудачу еще один римский военачальник — уже упоминавшийся Гай Тораний: его лагерь тоже был захвачен рабами. Это поражение отдало в руки войска восставших почти всю Южную Италию. Снова и снова на его пути вспыхивала жестокая резня, горели загородные виллы и поселения, страшному опустошению, грабежам и кровопролитию подверглись Нола и Нуцерия в Кампании, Фурии, Консенция и Метапонт в Лукании (рис. 30). Захват этих городов позволяет предположить наличие среди рабов специалистов по осадной технике, хотя на данный счет и не существует прямых свидетельств.

Согласно обрывочному сообщению Саллюстия, новой базой армии Спартакса стал лагерь, разбитый на обширной равнине среди еще стоявших на полях созревших осенних хлебов (Sallust. Hist. III. 98), где можно было не испытывать никаких проблем со снабжением. Очевидно, в данном случае имелись в виду плодородные земли близ Метапонта, на монетах

Рис. 30. Действия армии Спартака с лета 73 г. по лето 72 г. до н. э.

которого когда-то традиционно изображался колос пшеницы. Мятежники не только собирали припасы, но и ковали оружие, готовясь к продолжению войны. Таким образом, на протяжении целого года римляне несли серьезный урон, а войско Спартака только усилилось за счет продолжавших приходить к нему тысяч беглых рабов, безземельных крестьян и перебежчиков, видимо, из рядового состава вспомогательных римских войск. Орозий отмечал, что после захвата Метапонта под началом у Крикса было 10 000 воинов, у Спартака же тогда было в три раза больше (Oros. V. 24. 2). Аппиан, склонный к весьма вольному обращению с цифрами, особенно в отношении врагов Рима, считал, что общая численность восставших достигла тогда 70 000 человек (App. I. 116).

Потратив зиму на подготовку новых рекрутов, весной 72 г. до н. э. Спартак «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек, ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию» (Plut. Crass. 9) ¹. Внешнеполитическая ситуация в этот момент складывалась для Рима крайне сложно, и не один только Спартак занимал умы римских граждан. Этим на первых порах во многом и объяснялись его успехи. Незадолго до бегства глади-

---

¹ Утверждение Плутарха относительно планов Спартака не вызывает особых сомнений у многих исследователей, см., напр.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 87; Ma-saoki Doi. Spartacus uprising and ancient Thracia. P. 13—26.

аторов из Капуи на востоке началась уже третья по счету война с Митридатом VI Евпатором, отвлекшая на себя значительные военные силы государства во главе с наиболее одаренным римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом. На Средиземном море безнаказанно разбойничали киликийские пираты², а в результате блокирования ими прибрежных италийских городов, и в первую очередь порта Остии, цены на зерно подскочили так высоко, что в столице стали поговаривать о голоде. В то же время в Испании еще с 80 г. до н. э. велись безуспешные действия против мятежного военачальника Квинта Сертория, который, подчинив своему влиянию испанские племена, сумел создать там своего рода «государство в государстве» с сенатом из 300 римских эмигрантов. Испания стала центром притяжения всех недовольных положением дел в Риме, всех, кто мечтали вернуться на родину победителями. Правда, в 72 г. до н. э. могущество Сертория оказалось подорвано действиями армии Гнея Помпея (рис. 31), но об отводе из Испании римских войск пока не могло быть и речи. Между тем, когда положение серторианцев, располагавших еще достаточно большой военной мощью, осложнилось, в Риме появились слухи об их скором нападении на Италию. Если бы это произошло, вывести восставших за пределы Апеннинского полуострова, конечно, было бы несравненно легче.

Римский сенат, в полной мере осознав всю серьезность положения, отправил на борьбу с рабами сра-

---

² Киликия — в древности юго-восточная область Малой Азии, служившая базой пиратских кораблей.

Рис. 31. Гней Помпей Магн.
Мраморный бюст

зу обоих консулов 72 г. до н. э. — Гнея Лентула Клодиана (ок. 114—45 до н. э.) и Луция Геллия Попликолу (ок. 120—60 до н. э.)³. Такое раньше происходило только в период тяжелейших войн с самнитами и карфагенянами, а в недавнем прошлом — при столкновении с германскими племенами кимбров и тевтонов. Каждый из консулов после произведенного набора солдат вел за собой два легиона, что с учетом вспомогательных войск позволяет

определить минимальную общую численность их армий в 30 000 человек. Относительно первого из упомянутых полководцев можно сказать, что это был не самый лучший выбор, поскольку на его счету были только неудачные действия против серторянцев в Испании под началом Гнея Помпея, тогда как Луция

---

³ Эти римские политические деятели и в дальнейшем не раз выступали вместе, в частности, были цензорами в 70 г. до н. э. и легатами Гнея Помпея в войне (67 г. до н. э.) с киликийскими пиратами на Тирренском и Адриатическом побережьях Италии.

Геллия все знали как превосходного оратора и достаточно опытного в военном отношении человека. Кстати, тогда под его командованием служил ставший позднее известным политическим деятелем Катон Младший (95—46 до н. э.) (рис. 32). Он вступил в армию Попликолы добровольно, что для представителей «золотой молодежи» того времени было большой редкостью, из-за своего сводного брата, Квинта Сервилия Цепиона, назначенного на должность военного трибуна. В биографии Катона Плутарх приводит некоторые детали этой кампании, отчасти объясняющие причины постигших римлян неудач и на контрасте с его поведением демонстрирующие состояние римской армии на тот момент: «...начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом», что «Геллий отметил его наградами и славными почестями» (Plut. Cat. 8).

Рис. 32. Катон Младший (Утический). Бронзовый бюст
I в. до н. э.

В ходе военной кампании каждая консульская армия должна была решать самостоятельную задачу без реального единого командования, хотя, как говорил Наполеон, в данной ситуации один плохой генерал лучше двух хороших. И в этом он был абсолютно прав, так как разделение всего войска на две части, двигавшиеся различными путями, подвергало ту из них, на которую обрушились бы главные силы противника, чрезвычайному риску. План консулов, насколько об этом можно судить по развитию событий, заключался в согласовании действий против Спартака, с тем чтобы вернее зажать его в клещи у побережья Адриатического моря в районе Гарганского полуострова. Эта местность славилась коневодством и овцеводством, а также тем, что в изобилии производила зерно и плоды. Следовательно, можно было полагать, что восставшие задержатся там на неопределенное время. Лентул, судя по всему, двинулся самым коротким путем по *Via Tiburtina Valeria*, протянувшейся на расстояние около 200 км через Апеннины до города Атерн (совр. Пескара) на побережье Адриатики, тогда как Геллий — в юго-восточном направлении по Аппиевой дороге через Капую и далее по долине реки Ауфид (совр. Офанто) в Апулию — туда, где в 216 г. до н. э. у г. Канны римляне потерпели сокрушительное поражение от карфагенского полководца Ганнибала. Через десять дней после выступления в поход при средней скорости передвижения 35 км в день оба консула должны были оказаться у намеченной цели на небольшом расстоянии друг от друга. Сведения о передвижении вражеских армий, видимо, заранее стали известны командирам повстан-

цев из рассказов перебежчиков и донесений собственных разведчиков, и чтобы избежать разгрома основные силы под командованием Спартака скрытно двинулись ускоренным маршем в северо-западном направлении. При этом от них отделился двадцатитысячный отряд Крикса (Liv. Per. 96)⁴, занявший на поросших лесом пологих склонах горы Гаргана выгодные во всех отношениях позиции (рис. 33). Они находились примерно в двух днях пути от устья Ауфиды и в 25 км к востоку от дороги, по которой должны были пройти легионы под командованием Геллия. Тем самым создавалась потенциальная угроза для их правого фланга или тыла в случае продвижения вперед. Предполагать в такой сложный момент, когда больше всего требовалось единство руководства, сознательный раскол в армии рабов из-за принципиальных разногласий между ее вождями⁵ нет никаких оснований. Скорее всего, действия Крикса, якобы вышедшего из подчинения, были намечены заранее для достижения тактического преимущества⁶. В случае разгрома восставшими сил под началом Лентула, армия Геллия, следуя вдоль Адриатического побережья, могла сама оказаться между двух огней.

---

⁴ В отличие от Тита Ливия, в рассказе об этих событиях Аппиан приводит явно завышенную численность войска Крикса — 30 000 человек (App. Bell. Civ. 117).

⁵ См., напр.: Мишулин А. В. Восстание Спартака в Древнем Риме. С. 144; Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. С. 119.

⁶ Ср.: Brisson J. P. Spartacus. P. 212—218.

Рис. 33. Вид на западный склон горы Гаргана

Спартак нарушил все расчеты своих противников. Стремительно преодолев путь до выхода Via Tiburtina Valeria к Атерну, он успешно реализовал первую часть своего плана. Судя по всему, предпринятое затем нападение на два легиона Лентула в тот момент, когда они еще не завершили свой путь через Апеннины (Flor. III. 20. 10), стало для римлян полной неожиданностью. Сражение с Лентулом должно было начаться, когда войско Геллия находилось в пяти днях пути от горы Гаргана. Эта гора отстояла от Атерна на довольно внушительное расстояние, около 160 км. Таким образом, при удачном исходе дела Спартак вполне мог успеть оказать помощь Криксу. Его основная задача, очевидно, заключалась в том,

чтобы с далеко не самой боеспособной частью войска, не вступая в открытый бой, продержаться необходимое время в укрепленном лагере.

Планируя сражение с Лентулом, Спартак явно рассчитывал, что в условиях пересеченной местности не сработает применявшаяся римской армией тактика «парового катка», когда легионеры, сражаясь в сомкнутом строю, все сметали на своем пути. В данной ситуации без достаточных вспомогательных сил они оказывались беззащитными против сплоченных действий противника. Римляне явно поленились выслать вперед разведчиков и попали в ловушку. Предводитель гладиаторов и рабов сначала разбил неудачно пытавшихся окружить его легатов Лентула, а затем, когда они совершенно утратили инициативу, захватил и весь его обоз.

При реконструкции возможного хода этого сражения нужно помнить, что на марше консульская армия следовала определенному порядку. Обычно впереди двигались вспомогательные войска, затем первый легион и его обоз, потом второй легион со своим обозом и, в качестве арьергарда, снова солдаты вспомогательных войск. В случае опасности атаки справа обоз размещали слева от колонны и наоборот, если угроза возникала с другой стороны. На пути через горы армия Лентула неизбежно должна была растянуться на расстояние около 15 км⁷. Соответственно, скорее всего, она подверглась внезапному нападению одновременно на разных участках. При этом воины Спартака могли уничтожать отдельные подразделе-

---

⁷ Ср.: Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 38.

ния римлян и исчезать среди холмов в случае попыток римлян совершить обходной маневр и окружить их. В этой ситуации легионы не могли действовать эффективно, и командование постепенно теряло контроль над ними. Обоз, для прикрытия которого войска обычно сосредоточивались более плотно, видимо, был атакован в нужный момент из засады и захвачен собранными в единый кулак силами восставших. Острота ситуации заключалась в том, что командующий в окружении своей личной охраны следовал сразу за обозом, потеря которого могла породить панику в связи с возможной смертью полководца.

Как развивались события дальше, можно хотя бы отчасти представить по одному из сохранившихся фрагментов «Истории» Саллюстия (Sallust. Hist. III. 106). Там говорится, что Лентул, дабы поддержать боевой дух своих легионеров, облачился в легко узнаваемый даже издали *палудамент* — длинный пурпурный плащ полководца с золотой вышивкой. С оставшимися людьми он занял одну из возвышенностей и развернул когорты в двойную боевую линию (*acies duplex*), скорее всего, спиной друг к другу⁸. При этом обороняющиеся несли большие потери, видимо, подвергаясь атакам со всех сторон. Судя по дальнейшим событиям, окончательного поражения этой консульской армии не последовало, но она перестала быть способной к активным действиям. Спартак отвел свои войска и двинулся назад, к горе Гаргана.

Криксу повезло меньше: он погиб в ожесточенной битве с римлянами, чему мог предшествовать

---

⁸ См.: Дельбрюк Г. История военного искусства. С. 303.

разгром вторым консулом Геллием одного из отрядов восставших, целиком состоявшего из германцев (Plut. Crass. 9). Сообщение Тита Ливия о том, что разбил воинов Крикса и убил его самого претор Квинт Аррий (Liv. Per. 96), один из легатов Геллия, позволяет предположить, что два легиона этой консульской армии передвигались отдельно и решали одновременно две задачи.

Известие о гибели Крикса и потере в общей сложности двух третей его войска стало тяжелым ударом для Спартака, опоздавшего, вероятно, буквально на один день. Тем не менее он вновь проявил себя как блестящий военачальник, и вскоре, после следующей упорной схватки, уже недавним победителям пришлось спасать свои жизни. Римляне отошли с поля боя в полном беспорядке, многие попали в плен. Тремстам из них пришлось на деле познать, какие чувства испытывали люди, выходившие сражаться на арену амфитеатра. В данном случае все они были вынуждены биться между собой как гладиаторы, чтобы стать своеобразной жертвой для Крикса, тело которого доставили в лагерь Спартака⁹. Флор, достаточно злобно относившийся к рабскому предводителю, по этому поводу писал: «Он совершал погребения своих павших вожаков — с почетом, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр» (Flor. III. 20. 9). С точки зрения римлян, смертельные

---

⁹ Это обстоятельство говорит о том, что разгром армии Геллия произошел недалеко от горы Гаргана.

поединки на глазах у тысяч беглых рабов были еще большим унижением, чем проигранная битва. Возможно, это было не столько проявлением мести по отношению к ненавистным угнетателям, сколько данью традиционным представлениям соплеменников Крикса о проходах в загробный мир героя, покрывшего себя славой и обеспечившего себе вечную память¹⁰. Характерный пример связан с Вириатом, предводителем восстания против власти Рима лузитан — группы племен кельтского происхождения, живших на территории современной Португалии. После гибели этого вождя в 139 г. до н. э., воины у огромнейшего погребального костра пели песни, прославляющие его подвиги, а затем, совершив погребение и насыпав могильный холм, устроили рядом гладиаторские бои (App. Iber. VI. 72). Как уже подчеркивалось, таким образом, хотя бы отчасти решалась проблема содержания пленных. Каким бы жестоким нам ни казалось это сегодня, в случае предстоящего форсированного марша с ними особенно не церемонились и просто уничтожали.

Преодолевая сотни километров и не отвлекаясь на осаду укрепленных городов, армия Спартака стремительно двинулась к подножию Альп, по пути добывая необходимый провиант и средства. Высокую скорость прохождения войск обеспечивало отличное качество римских мощеных дорог, многие из которых используются и поныне. Сначала его путь лежал по отрезку Салариевой дороги, близ Анконы переходя-

---

¹⁰ *Kamienik R. Zwei Episoden aus der Geschichte des Spartacusaufstandes. S. 40—41.*

щей в Via Flaminia, потом по Эмилиевой дороге через Аримин и Мутину и, очевидно, далее на Плаценцию. Продвигаясь вперед, он одерживал все новые и новые победы. Очень важной для осуществления его дальнейших планов стала битва при Мутине, сильной крепости на пути к реке Пад (совр. р. По). Там он встретился с десяти тысячным войском проконсула Цизальпинской Галлии Гая Кассия Лонгина, отца одного из будущих убийц Юлия Цезаря. Этому военачальнику тоже пришлось познать горечь поражения. По словам Плутарха, он «был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством» (Plut. Crass. 9). Не более успешно, видимо, уже в Транспаданской Галлии, пытался остановить Спартак и отряд претора Гнея Манлия¹¹, который до того был известен только тем, что во времена диктатуры Суллы нажил себе большое состояние за счет конфискации имущества осужденных на казнь. К тому времени восставшие сумели пройти с боями около 1200 км и последовательно разгромить военные силы под командованием трех преторов, двух консулов и одного проконсула. Правда, теперь их численность после потерь в многочисленных кровопролитных сражениях вряд ли превышала 25 000 человек.

Провинция, захваченная Спартаком, была исключительно богатой: она изобиловала стадами овец,

---

¹¹ После 95 г. до н. э. в Цизальпинской Галлии обычно находились четыре легиона (*Brunt P. A. Italian Manpower, 225 BC—14 AD. P. 343*). Таким образом, военные силы под началом Манлия по численности не уступали тем, что уже успел разбить Спартак.

хлебом и виноградниками, славилась небывалыми урожаями гречихи и проса. В широко раскинувшихся повсюду дубовых лесах кормилось желудями огромное количество диких и домашних свиней, мясо которых поставлялось не только в окрестные города, но и в сам Рим. Теперь настало время отдохнуть после боев и наметить план дальнейших действий. Покинуть Италию можно было двумя возможными путями. Первый лежал через труднопроходимые альпийские перевалы, где когда-то прошла армия Ганнибала. Второй, несравненно более легкий, был связан с Аврелиевой дорогой от Плаценции на Геную и далее в Нарбонскую Галлию. В последнем случае, с одной стороны, обеспечивалась возможность миновать Альпы, обойдя их с юга по знаменитому «Карнизу»¹² Приморской горной гряды, и намного ускорить движение за пределы Римской республики¹³, с другой — этот проход можно было перекрыть даже небольшими силами противника. В итоге, когда, казалось бы, на пути к свободе не осталось никаких препятствий, вождь восстания неожиданно отказался от прежних планов и повернул обратно. Многие исследователи полагали, что рабов могла испугать тяжесть перехода через горы, либо на настроения восставших повлияли их итальянские победы и ненависть к Риму. Высказывалось также мнение, что Спартак мог поддерживать контакты с Серторием и двигался на соединение с ним для дальнейших совместных дей-

---

¹² В древности его ширина составляла от 130 м до 1 км.

¹³ Переход линии Альп по «Карнизу» занимал 4 дня, тогда как через горные перевалы — около двух недель.

ствий в Испании, но с его смертью от руки убийцы в 72 г. до н. э.¹⁴ такая необходимость отпала¹⁵. Действительно, контакты между всеми антиримскими силами, действовавшими одновременно в различных областях Средиземноморья, включая Митридата VI Евпатора, были вполне возможны¹⁶, особенно если учесть, что союзниками понтийского царя были киликийские пираты, с которыми приходилось иметь дело и Серторию, и Спартаку. Вряд ли Митридата мог смутить союз с восставшими рабами, ведь уже в период своей первой войны против Рима он дал свободу пятнадцати тысячам рабов и включил их в состав своего войска¹⁷. Никакого психологического барьера по этому поводу не должно было быть и у Сертория, так как уже со времени консульства Луция Корнелия Цинны в 87 г. до н. э. использование в политических целях больших масс вооруженных рабов стало в Риме довольно обычным явлением. К сожалению, никаких документальных свидетельств, дающих полное представление о дипломатии Сертория, не сохранилось. Помпей, опасаясь каких-либо разоблачений и обострения политической ситуации, сжег, не читая, всю

---

¹⁴ Существует и другая, правда спорная, точка зрения, согласно которой Серторий погиб в 73 г. до н. э. (см.: *Короленков А. В.* Квинт Серторий: политическая биография. С. 239).

¹⁵ *Коптев А. В.* Несколько замечаний о восстании Спартака.

¹⁶ *Молев Е. А.* Властитель Понта. С. 121—122.

¹⁷ Ср.: *Danov Chr.* Zur Geschichte des Spartacusaufstandes. S. 11.

его переписку, где были послания от «некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбуждав волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию» (Plut. Crass. 20).

Судя по последовательности изложения событий у Тита Ливия (Liv. Per. 96), Серторий погиб еще до вступления Спартака в Цизальпинскую Галлию. В любом случае, известие о последовавшем разгроме серторианцев означало, что теперь некому сковывать действовавшую против них закаленную в боях армию Гнея Помпея, и она в скором времени, пройдя через Южную Галлию по Аврелиевой дороге, может появиться на севере Апеннинского полуострова. Стремительное изменение ситуации, видимо, продиктовало существенное изменение планов восставших. Они занялись пополнением своих рядов, вероятно, за счет рабов и перешедших на их сторону галлов¹⁸, всегда склонных к беспорядкам и мятежам. Аппиан считал, что на данном этапе численность восставших выросла до 120 000 человек (App. Bell. Civ. I. 117). Конечно, в эти подсчеты могли быть включены некомбатанты, например, женщины и интендантский персонал, но вероятнее всего, что эта цифра является плодом фантазии Аппиана и просто отражает панические настроения римлян в то время. Евтропий дает более реальную картину, говоря о тех, кто их так напугал: «...победив многих полководцев, среди них двух

---

¹⁸ Очевидно, в основном это были жители Транспаданской Галлии, еще не получившие прав римского гражданства.

консулов, создали они примерно шестидесятитысячное войско» (Eutr. VI. 7. 1). Как ни относиться к этим сведениям, все-таки можно предположить, что на тот момент участники восстания большей частью связывали свою дальнейшую судьбу именно с Италией и не собирались никуда уходить¹⁹. Таким образом, несмотря на благоприятное время для движения через Альпы (лето—начало осени), собственная армия отрезала путь домой Спартаку, который, как командующий, чувствовал себя обязанным считаться с мнением воинов. Видимо, именно тогда в его окружении возобладало мнение о необходимости вернуться на юг Италии, чтобы переправиться на Сицилию и превратить этот остров в базу для продолжения борьбы. Разговоры о нанесении внезапного удара по Риму были, скорее всего, просто дезинформацией противника. Правда, прежде чем начать новый поход до наступления осенних дождей и наводнений в долине реки Пад, много времени, вероятно, пришлось потратить на то, чтобы обучить новобранцев сражаться в правильном строю, иначе в полевых сражениях с римской армией они были бы обречены. А таких сражений было не избежать, потому что пришлось, образно выражаясь, возвращаться в пасть льва. Это был момент наивысшего подъема восстания, серьезно ослабившего авторитет римлян на итальянской земле.

Когда войско Спартака начало движение в обратном направлении, Рим «оказался охвачен не меньшим страхом, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у ворот» (Oros. V. 24. 5). Действительно, почти непре-

---

¹⁹ Ср.: Халдеев В. В. Проблемы стратегии Спартака. С. 181.

рывная цепь поражений весьма напоминала первые годы войны с великим карфагенским полководцем. Правда, Спартак, как в свое время Ганнибал, прекрасно понимал, что, несмотря на громкие победы, он не в состоянии осадить и занять Рим. В итоге он повел своих воинов не на столицу государства, а знакомым маршрутом вдоль Адриатического побережья к слабо укрепленным городам Апулии и Лукании. Чтобы ускорить передвижение, был отдан суровый приказ: «...сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке» (App. Bell. Civ. I. 117). Многочисленные перебежчики не принимались, чтобы не обременять себя в походе случайными людьми, которые могли только увеличить расход продовольствия. Это были вынужденные, но необходимые меры. Чем больше армия, тем сложнее обеспечивать ее всем необходимым, да и в стратегическом плане она становится достаточно уязвимой. Вероятно, делалось все возможное, чтобы быстрее миновать опасную в отношении обходных маневров со стороны римского войска область Пицен, перерезанную несколькими ведущими через Апеннины дорогами. Именно здесь на этот раз объединенные силы двух консулов попытались остановить мятежников, но в открытом сражении опять были разбиты. Их общие потери в этом и предшествующих столкновениях со Спартаком составили около двух легионов. Кто знает, насколько большой урон понесли на этот раз рабы, но они уже не боялись новых столкновений с врагом и, очевидно, решили, прежде чем двигаться дальше, окончательно сокрушить остатки консульских армий.

Узнав о последних неудачных действиях, возмущенный сенат приказал войскам не двигаться с места, а консулам сложить с себя командные полномочия. Теперь Спартак окончательно доказал, что его победы не были случайностью. Римляне были вынуждены признать: этот бывший раб действительно обладает огромным военным талантом. Создать боеспособную армию из массы не привыкших к военной дисциплине людей и наносить в течение долгого времени тяжелые поражения римским легионам — такое мог только выдающийся полководец и организатор.

ПОЕДИНОК С КРАССОМ

После разгрома консульских армий Риму срочно требовался полководец, способный покончить с рабами раз и навсегда. В сложившейся ситуации никто из влиятельных римских граждан не решался рискнуть своей репутацией и взять на себя столь неблагодарное дело, как позорная «рабская война». К тому же в Риме остро ощущали недостаток как в хороших солдатах, так и в опытных военачальниках, лучшие из которых вели военные действия за пределами Италии. С плохо обученными ополченцами и посредственными офицерами вряд ли можно было рассчитывать на победу. Редкий случай в римской истории — никто не стремился выдвинуть свою кандидатуру на должность претора, дававшую право командовать армией, а ведь в другое время в борьбе за голоса избирателей не жалели ни сил, ни средств. Единственным, у кого хватило смелости это сделать, оказался потомок древнего плебейского рода Марк Лициний Красс (114—53 до н. э.) — личность достаточно известная в Риме (рис. 34). Вот что рассказывал о нем биограф Плутарх: «Блеск его многочисленных

добродетелей омрачался лишь одним пороком — жаждой наживы... Дом его был открыт для всех, а своим друзьям он даже давал деньги займы без процентов, но вместе с тем по истечении срока требовал их от должников без снисхождения, так что бескорыстие его становилось тяжелее высоких процентов. <...> Он владел также великим мно-

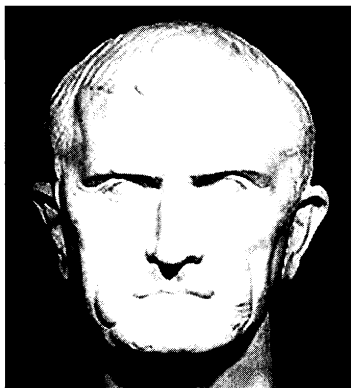

Рис. 34. Марк Лициний Красс.
Мраморный бюст

жеством серебряных рудников, богатых земель, обеспеченных работниками, но все это можно было считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов — столько их у него было, да притом таких как чтецы, писцы, пробирщики серебра, домоправители, подавальщики... Что касается умственных занятий, то он упражнялся главным образом в ораторском искусстве, стремясь завоевать известность у народа... прославив человеком, заботящимся о других и готовым помочь. Нравились также его обходительность и доступность, проявлявшиеся в том, как он здоровался с приветствовавшими его. Не было в Риме такого безвестного и незначительного человека, которого он при встрече, отвечая на приветствие, не назвал бы по имени. Говорят еще, что Красс был сведущ в истории и не чужд философии...» (Plut. Crass. 2—3). Нагляд-

ным показателем его финансового гения является увеличение за тридцать лет первоначального капитала с 300 до почти 8000 талантов¹ серебра. По подсчетам журнала «Forbes» это состояние в пересчёте на нынешние деньги составило бы около 170 000 000 долларов. Однако Красс был связан не только с сомнительными денежными операциями, выбор именно данной фигуры на пост командующего делали удачным определенные организаторские способности и достаточные познания в области военного искусства. Когда-то молодой Красс воевал под командованием своего отца в Испании с племенем лузитан, сражался против италиков в Союзнической войне 90—88 гг. до н. э., затем принял активное участие в гражданской войне на стороне Суллы, возглавив значительную часть его армии. Особое расположение этого римского полководца Красс завоевал во время почти проигранной битвы у Коллинских ворот Рима в 82 г. до н. э. Командуя правым флангом, он обратил противника в бегство и тем самым вернул Сулле инициативу в бою. Тогда впервые проявилось одно из его главных качеств — умение любой ценой добиваться поставленной цели. Порой это внушало людям безотчетный страх, так как все знали, что с ним трудно и опасно иметь дело. Народный трибун Гней Синиций часто говорил про Красса: «У него сено на рогах», — имея в виду, что римляне поступали подобным образом с бодливыми быками, чтобы предостеречь прохожих (Plut. Crass. 7; Plut. Quaest. Rom. 71).

---

¹ Талант — греческая мера веса (26,2 кг) и определенная денежная сумма, соответствующая этому весу.

Летом 72 г. до н. э. Красс отчаянно желал доказать, что он больше, чем просто богатейший из сенаторов. Помимо денег в Риме всегда ценилась военная слава, которая тоже была своего рода капиталом, всегда с лихвой окупавшимся в политике. Отсюда стремление Красса к свежим воинским лаврам, пусть даже и в деле усмирения беглых рабов. Сенат, сделавший выводы из неудач действовавших против Спартака полководцев, наделил нового главнокомандующего в этой войне чрезвычайными полномочиями. Вступив в должность, Красс немедленно объявил о наборе шести легионов. Это была непростая задача, ведь опасная и неблагодарная «рабская война» не обещала потенциальным солдатам ни большой добычи, ни подарков после ее завершения. Многие тогда отмечали, что военное дело перестало быть приманкой для молодежи, и действительно, простые римские граждане не рвались служить в армии. В экстренных ситуациях часто возникало опасение не набрать нужного количества солдат для ведения эффективной военной кампании. Если не находилось добровольцев, то, как правило, военнообязанные² тянули между собой жребий, и тот, кому он выпал, беспрепятственно мог заменить себя другим подходящим рекрутом. Богатые люди и члены их семей имели все возможности заслужить благосклонность чиновников и уклониться от службы. Эта карикатурная картина якобы добро-

---

² В то время гражданин должен был принять участие как минимум в шести походах, чтобы официально просить об освобождении от военной службы.

вольной явки в армию демонстрировала стремление избежать ее под любым возможным предлогом. Призванные же в принудительном порядке часто оставляли желать лучшего в плане физического развития и уровня подготовки. Правда, такой влиятельный человек, как Красс, мог специально пригласить на службу сулланских ветеранов, служивших когда-то под его началом. В таких случаях испытанные вояки получали повышенное жалование и освобождались от караулов и земляных работ. Кроме того, учитывая серьезность ситуации, за Крассом последовали многие представители знати, кто по дружбе, а кто в силу имевшихся долговых обязательств. Таким образом, среди его офицеров появились тщательно подобранные люди. Должность квестора занял Гней Тремеллий Скрофа, друг Цицерона, который отзывался о нем как о человеке старых правил, в высшей степени добросовестном. Легатами Красса, наряду с уже упоминавшимся Квинтом Аррием, стали Марк Муммий, потомок видной плебейской фамилии, и бывший народный трибун Луций Квинкций. Наверняка знаменитому римскому финансисту пришлось вложить собственные средства в ускоренный набор легионеров, но он от этого явно не обеднел. Как-то раз Красс похвастался, что может считать себя богатым до тех пор, пока в состоянии на годовой доход содержать легион солдат, а это соответствовало 4 000 000 сестерциев. Упомянувший об этом Плиний Старший (23—79 н. э.) сообщает, что богиня судьбы Фортуна подарила ему 200 000 000 сестерциев (Plin. Nat. Hist. XXXIII, 134). Соответственно, общая сумма состоя-

ния Красса равнялась годовому содержанию пятидесяти легионов³.

В конечном итоге под началом избранного сенатом римского полководца, после присоединения к шести его легионам по прибытии на место еще двух консульских, оказалось около 40 000 легионеров, надо полагать, дополненных вспомогательными войсками численностью не менее 20 000 человек. Таким образом, силы, брошенные на подавление восстания, были равны или даже превосходили по военному потенциалу армию Спартака. Это являлось признанием крайней опасности положения, так как обычно для участия в военных действиях выделяли максимум четыре легиона⁴. Казалось, теперь над бывшими рабами навис меч судьбы. И действительно, когда новое римское войско подошло к границе области Пицен (рис. 35), чтобы преградить восставшим путь на юг, в первой же битве с одним из их отрядов был достигнут серьезный успех. Согласно римской статистике, на поле боя оказалось 6000 убитых воинов Спартака и 900 человек попали в плен. Тем временем сам Спартак, никогда не переоценивавший свои силы, старался использовать любой промах врагов. Подходящий случай не заставил себя долго ждать: два легиона под командованием легата Марка Муммия, судя по всему,

---

³ *Fields N. Spartacus and the Slave War 73—71 BC. P. 31—32.*

⁴ Заметим, что у Помпея, воевавшего против такого серьезного противника, как Серторий, были в распоряжении всего шесть легионов.

Рис. 35. Карта действий армии Спартака
осенью 72 г. до н. э.

бывших консульских ⁵, послали в обход со строгим приказом не вступать в сражение и избегать даже мелких стычек. Очевидно, этот маневр должен был совершаться в обстановке абсолютной секретности, чтобы нанести неожиданный удар с тыла, когда армия Спартака вступит в бой с основными силами Красса. Однако осуществить этот замысел не удалось. Муммий, видимо, пренебрежительно относившийся к недостойному противнику, горел желанием отличиться и воспользовался первым же, как ему казалось, благоприятным случаем завязать битву. Тяга к личной славе сыграла с ним злую шутку в момент принятия важного тактического решения. Скорее всего, предпринятая римлянами атака была спровоцирована Спартаком, нанесящим затем заранее подготовленный ответный удар. Самонадеянность Муммия была жестоко наказана: многие из его людей «были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие» (Plut. Crass. 10). Причины этой катастрофы вполне очевидны: недоработка разведки, низкий боевой дух и плохое состояние дисциплины. Стало предельно ясно, что боеготовность не раз перенесших разгром солдат, оказавшихся под началом у Красса, от длительного бездействия в ожидании нового командующего только ухудшилась.

Судя по всему, позорное поражение, которое произвело гнетущее впечатление на всю армию, было связано с потерей воинских знаков и прежде всего

---

⁵ Таким образом, можно сделать вывод, что потери консульских армий в кампании 72 г. до н. э. уменьшили их численный состав практически вдвое.

главных из них — штандартов с изображением орла, символа легиона. Только утратой «знамен» можно объяснить применение Крассом в качестве наказания применявшейся редко, но обычно как раз в таких случаях, крайне жестокой меры — *децимации*, когда казнили каждого десятого из проявивших трусость воинов. О масштабах бегства солдат Муммия с поля боя дает представление следующая цифра: одних зачинщиков оказалось 500 человек. Разбив их на пятьдесят десятков, из каждого с помощью жребия выбрали по одному смертнику (Plut. Crass. 10) ⁶. По обычаю казнь сопровождалась жуткими и мрачными обрядами, совершавшимися у всех на глазах. Эти люди нарушили воинскую присягу и, соответственно, каждый из них, согласно римским традициям, становился *sacer* — «посвященным подземным богам», то есть предавался проклятию.

Децимация проводилась следующим образом: один из младших командиров касался провинившегося, а остальные солдаты били его камнями или палками, пока тот не умирал. У Плутарха в описании этих событий говорится о том, что данный «вид казни сопряжен с позором». Под этим надо понимать публичное лишение военного пояса в виде ремня, украшенного серебряными или бронзовыми накладками, который

---

⁶ По данным Аппиана, масштабы репрессий были более значительными и число казненных достигло 4000 человек (App. Bell. Civ. I. 118), что, впрочем, маловероятно хотя бы потому, что эта цифра соответствует 1/10 численности всех легионеров Красса.

отбирали у обесчестившего себя легионера⁷. В течение назначенного наказанием срока остальные струсившие воины не могли находиться внутри лагерных укреплений и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пайка пшеницы их переводили на униженный ячменный хлеб, который считался кормом для скота и едой для рабов.

Показательные суровые меры возымели свое действие: солдатская дисциплина и боевой дух резко возросли. Красс, буквально вколачивавший в свое войско древние римские доблести, оказался для всех страшнее Спартака. Чтобы избежать новых потерь, видимо, было принято решение заняться переподготовкой войск и постоянными упражнениями приучить солдат к грядущим тяжелым испытаниям. В дальнейшем, проанализировав печальный опыт своих предшественников, да и свой собственный, этот римский полководец стал применять против восставших стратегию измора, стараясь избегать столкновения с крупными силами врага. Спартак тоже должен был держаться настороже, ибо от противника, столь хладнокровно и жестоко наказывающего собственных солдат, можно было ожидать чего угодно. Во всяком случае, теперь никто не пытался преградить ему путь на юг Италии.

К концу лета 72 г. до н. э. армия рабов обосновалась в хорошо знакомой гористой местности на границе Лукании и Бруттия, в районе крупного торговоремесленного города Фурии, на время ставшего базой восстания. Если вспомнить, что местные жители в

---

⁷ Кован Р. Римские легионеры 58 г. до н. э.—69 г. н. э. С. 31.

свое время активно поддерживали Ганнибала, а соседние племена называли бруттиями всех мятежников, то воины Спартака должны были найти здесь довольно теплый прием. Одна из основных задач заключалась в том, чтобы произвести или приобрести необходимое оружие. Собирая для этого все имеющиеся финансовые ресурсы, Спартак прибег к крайним мерам по укреплению дисциплины и запретил употребление драгоценных металлов в пределах военного лагеря. Подобные случаи в римской армии, как правило, сопровождались требованиями использовать только деревянную посуду и сдавать все золотые и серебряные монеты в военную казну. Надо полагать, что за границами лагеря в интересах общего дела торговые операции с использованием денег не возбранялись. Получив, таким образом, железо и медь, мятежники хорошо вооружились и стали совершать успешные вылазки против римлян, неизменно возвращаясь назад с добычей. Так продолжалось, пока Крассу не удалось нанести Спартаку двойное поражение: сначала понес потери стоявший отдельным лагерем десятитысячный отряд мятежников, а затем и сам вождь рабов. Отметим, что координированные действия размещенных в двух укрепленных лагерях войск, создававшие для противника реальную угрозу удара с двух сторон, — это еще один неоднократно применявшийся Спартаксом прием, заимствованный из римского военного искусства⁸.

---

⁸ Впервые с практикой размещения римского войска в двух расположенных неподалеку друг от друга лагерях мы сталкиваемся в описании событий периода второй Пунической войны (Liv. XXII. 40.5; 44. 1—3).

Рис. 36. Мессинский пролив. Вид со стороны Сицилии

Осенью 71 г. до н. э. соотношение сил начало складываться не в пользу армии восставших, которая отступила на юг Италии к Мессинскому проливу (рис. 36). Ширина его в самом узком месте составляет всего 3,1 км, и кажется, что до противоположного берега, где вдали маячит белый конус вулкана Этна, буквально рукой подать. Решение быстро переправить часть войска на Сицилию вполне оправдывалось тем, что там еще недавно бушевало мощное рабское движение и «достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой» (Plut. Crass. 10). Да и жители сицилийских городов отнюдь не были довольны римским владычеством. Они еще не забыли о своем былом величии, в сравнении с которым нынешнее

положение, вызывавшее отчаяние и скрытую ненависть, выглядело просто унижительным. Как раз тогда всеобщее недовольство навлек на себя жестокостью и несправедливостью пропретор Сицилии Гай Веррес, о чем Спартак наверняка был хорошо информирован. Под предлогом возможного нападения рабов жадный вымогатель требовал от жителей провинции кораблей, матросов, оружия и припасов, но все это только для того, чтобы перепродать их и увеличить размеры собственного состояния. В то же время римские солдаты, размещенные на одном из богатейших островов Средиземноморья, были вынуждены питаться пальмовыми корнями. В обвинительной речи против Верреса Цицерон заклеил его неуголимую алчность словами: «Флот существовал в Сицилии только по названию» (Cic. In Verr. IV. 25. 63)⁹.

Очевидно, сначала Спартак планировал создание на острове запасного плацдарма на случай серьезных неудач в Италии, ведь речь шла о высадке всего 2000 человек. Сам по себе неширокий, на первый взгляд, пролив, представлял собой, тем не менее, серьезную преграду. Это место издавна считалось трудным и опасным для плавания районом. Согласно древним преданиям, именно здесь, по разные стороны пролива, подстерегали мореходов сказочные чудовища — Сцилла и Харибда. Прежде всего это связано с наличием между разбросанными вдоль берегов острыми

---

⁹ Почти тридцать лет спустя, в 43 г. до н. э., обвинитель и обвиняемый, Цицерон и Веррес, по настоянию триумвира Марка Антония были внесены в проскрипционные списки и затем убиты.

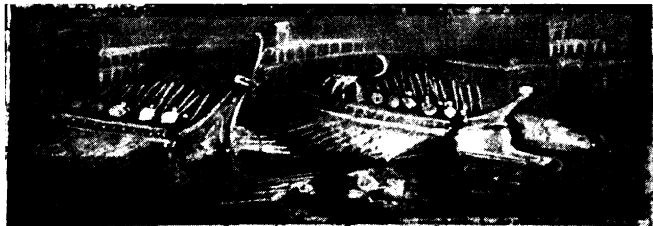

Рис. 37. Либурны, выходящие в море. Фреска из дома Веттиев в Помпеях

скалами сильных приливно-отливных течений, меняющих направление 4 раза в сутки. Временами их скорость может достигать 9,3 км/ч. Наиболее ярко выражены эти течения в узкой части пролива, где периодически возникают приливные потоки, которые могут образовывать большие водяные воронки, особенно опасные для небольших судов. К тому же сильный ветер с порывами до 78 км/ч порой также создает мощные водовороты. Высота волн обычно не превышает 2 м, но в зимний период может достигать 6—8 м.

Флота у восставших не было, и, по имеющимся сведениям, помощь в осуществлении переправы Спартак пообещали киликийские пираты, полностью господствовавшие в проливе после уничтожения морских сил, имевшихся в распоряжении Верреса. Вся десантная операция в расчете на 2000 человек заняла бы у сравнительно небольшой пиратской эскадры из 25 подвижных и вместительных *либурн* (рис. 37) не более двух-трех часов за два рейса. Происхождение кораблей такого типа связывали с иллирийским племенем либурнов, пиратствовавших в Ионийском мо-

ре. Подобные суда с острыми обводами и двумя рядами весел с каждой стороны имели длину около 33 м, осадку до 1,1 м и водоизмещение до 80 т. При максимальной загрузке они могли принять на борт помимо гребцов и матросов до 40 пехотинцев. Без особых усилий либурны развивали скорость до 10—12 узлов (18—22 км/час) и идеально подходили для разведки на море, быстрой доставки грузов и атаки на более крупные корабли.

Почему же переправу сравнительно небольшого отряда армии Спартака не удалось осуществить сразу? Все дело в том, что флотом, приспособленным для такого рода операций, пираты на тот момент не располагали. Под началом действовавшего тогда в проливе их предводителя Гераклиона было всего четыре *миопарона*. Так назывались небольшие по размеру легкие и быстрые корабли с неглубокой осадкой, ходившие и под парусом, и на веслах. Считается, что их корпус мог изготавливаться из плетеных прутьев, а обшивка — из необработанных шкур животных. Однако внешний вид их точно не известен, поскольку никаких изображений и детальных описаний не сохранилось. В любом случае, мы знаем, что миопароны отлично подходили для нападения, но совершенно не годились на роль транспортных судов. Таким образом, пиратскому вожаку, получившему оговоренную заранее сумму денег, требовалось время, чтобы выполнить взятые на себя обязательства и собрать корабли необходимого типа. Впрочем, ни один из них так и не прибыл в назначенное место. Возможно, это бездействие было обусловлено ухудшившимися погодными условиями на море или интересами главного

союзника пиратов, Митридата VI Евпатора, которому, в условиях постигших его неудач, важно было сохранение военной угрозы для Рима непосредственно на земле Италии. Нельзя полностью исключать и возможность подкупа пиратской верхушки¹⁰. Впрочем, с началом навигации 71 г. до н. э. предводитель пиратов все-таки вернулся в сицилийские воды, откуда был изгнан преемником Верреса пропретором Луцием Метеллом (Oros. VI. 3).

Изменившиеся обстоятельства не заставили Спартака отказаться от самой идеи перебраться на Сицилию. При ясной погоде спасительный остров казался таким близким, что была предпринята попытка преодолеть узкий пролив на плотях из бревен и пустых бочек, связанных виноградными лозами. Серьезных препятствий тогда для этой операции со стороны Верреса не ожидалось, иначе трудно объяснить фразу Цицерона из речи, произнесенной позднее против этого римского магистрата: «Стало быть, это ты помешал полчищам беглых переправиться из Италии в Сицилию? Где, когда, откуда? Никогда ничего подобного мы не слыхали...» Далее следует утверждение, что только «доблесть и мудрость храбрейшего мужа Марка Красса не позволили беглым рабам переправиться через пролив в Мессану на соединенных ими плотях», причем предотвратить это удалось с большим трудом (Cic. In Ver. V. 2. 5). Эти слова однозначно можно трактовать как свидетельство того, что в осложнившейся ситуации римлянами в последний момент были срочно стянуты к Сицилии какие-то

---

¹⁰ Мотус А. А. Из истории восстания Спартака. С. 60—61.

военно-морские силы. Неудача с захватом плацдарма на острове может объясняться также и тем, что дело происходило поздней осенью, когда море становилось бурным и неприветливым из-за частых штормов¹¹.

Так или иначе, сезон, благоприятный для действий на море, закончился, дальше идти было некуда, а обратный путь к тому времени преградили военные силы Красса. Сама природа подсказала римскому полководцу наиболее подходящий план для того, чтобы отрезать мятежных рабов от внешнего мира и заставить их капитулировать. Отдав приказ возвести на перешейке линию укреплений, Красс решал сразу две задачи: «...уберечь солдат от безделья и лишить врагов подвоза продовольствия» (Plut. Crass. 10). Требовалось лишь захлопнуть западную и спокойно дожидаться, когда голод поставит восставших на колени.

Тысячи легионеров взялись за кирки и лопаты, и скоро от моря до моря протянулся огромный ров шириной и глубиной около 4,5 м, укрепленный земляным валом и стеной, поражавшей своей высотой и прочностью (рис. 38). Надо полагать, что высота вала не уступала, по крайней мере, глубине рва, и, соответственно, в общей сложности получился обращенный в южную сторону девятиметровый откос, дополненный как минимум трехметровой стеной. Плутарх писал, вероятно, с целью поразить воображение читателя, что длина этих укреплений составляла 300 ста-

---

¹¹ Мореплавание считалось безопасным от восхода Плеяд (25 мая) до восхода Арктура (16 сентября). Затем наступал сезон дождей и бурь, а с 11 ноября до 10 марта выход кораблей в море обычно не практиковался.

Рис. 38. Реконструкция римских полевых укреплений
I в. до н. э.

диев (около 55 км), и эта цифра фигурирует во многих исследованиях, затрагивающих тему восстания Спартака. Согласно одной из версий, укрепления Красса находились севернее города Фурии, на границе области Бруттий, хотя, на наш взгляд, более справедлива другая версия, отдающая предпочтение небольшому Регийскому полуострову длиной всего 66 км. Действительно, ширина перешейка, отделяющего эту часть Южной Италии, составляет примерно 30 км, что полностью соответствует расстоянию в 160 стадиев, указанному в описании Страбона (Strab. VI. 1. 4), и это даже с учетом особенностей рельефа местности, почти в два раза сокращает объем необходимых работ. Кроме того, Красс мог использовать остатки более ранних укреплений на южной оконечности Апеннинского полуострова. Страбон сообщает, что в свое время сиракузский тиран Дионисий Стар-

ший (ок. 430—367 до н. э.) пытался перегородить стеной перешеек Регийского полуострова для защиты от внешних варваров, но этот план не был выполнен до конца (Strab. VI. 1. 10). В любом случае, при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы все земляные работы действительно можно было провести в достаточно сжатые сроки, хотя до тех пор в истории римского военного искусства не было примера строительства укрепленной линии такой протяженности. Для более раннего времени нам известны только значительно меньшие по масштабу строительные работы, проведенные Сципионом Эмилианом под Нуманцией в 134 г. до н. э. Он стал первым военачальником, окружившим стеной врагов, стремившихся сразиться на открытой местности. Остатки воздвигнутой тогда римскими солдатами каменной стены длиной почти 10 км открыл в начале XX в. немецкий археолог А. Шультен. Она имела толщину 4 м у основания и 2,4 м в верхней части. Через каждые 30,85 м стояли прямоугольные (4×5 м) четырехэтажные деревянные башни, а с внешней стороны проходил V-образный ров глубиной 3 м. По времени наиболее близкой Спартаковской войне демонстрацией подобной строительной практики, является возведение всего за 18—20 дней легионерами Цезаря (около 10 000 человек) рва и вала высотой 4,8 м, протянувшихся на расстояние около 28 км, чтобы воспрепятствовать продвижению гелльветов в пределы Нарбонской Галлии в 58 г. до н. э. С учетом производительности труда римских легионеров в указанном примере и их числа под началом у Красса, можно утверждать, что создание фортификационной линии

на Регийском полуострове должно было занять не более недели.

Сначала эти сооружения мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но скоро стало ясно, что его армия заперта на пространстве, где запасы продовольствия весьма ограничены, несмотря на наличие здесь семи городов с прилегающей сельской округой, в том числе таких известных, как Регий и Локры Эпизефирские. К тому времени, о котором идет речь, уборка урожая на полях была уже практически завершена, а местные жители, когда до этих мест докатывалась война, всегда старались перетащить под защиту крепостных стен основные запасы зерна, дрова и прочее, нужное в обиходе, ничего не оставляя неприятелю (Liv. XXIV. 1. 2). Поскольку мы не имеем никаких данных о штурме каких-либо городов, надо полагать, что участники восстания очень скоро столкнулись с достаточно серьезной проблемой. Используя известное выражение, можно сказать, что «война перестала кормить войну». Видимо, в короткие сроки было съедено все, что можно было найти в этой не особенно плодородной местности, где в силу природных условий под зерновые культуры традиционно используется не более 9 % территории.

Сложившаяся ситуация и по сути, и по месту действия полностью соответствовала известной поговорке «Оказаться между Сциллой и Харибдой», т. е. оказаться в ситуации жесткой необходимости сделать выбор, причем оба возможных варианта не оставляют надежды на спасение. С одной стороны перед Спартаком и его людьми был непреодолимый по погод-

ным условиям пролив, с другой — весьма серьезная фортификационная линия Красса. В условиях приближающейся зимы нужно было собраться с силами и прорвать римские укрепления, чего бы это ни стоило. Первая же попытка снять блокаду, предпринятая на заре, закончилась неудачей. Как хвастливо утверждал Аппиан, фантазия которого в данном случае становится поистине безудержной, погибло около 6000 восставших, а вечером еще столько же, тогда как потери римлян вследствие укрепления дисциплины составили всего трое убитых и семеро раненых (App. Bell. Civ. I. 119). Естественно, эти цифры, отражающие урон, понесенный армией Спартака, абсолютно недостоверны и не имеют для нас никакой ценности, поскольку представляют собой своего рода пропагандистский миф. Впрочем, вряд ли можно сомневаться, что римские солдаты, помня о децимации, сражались значительно лучше, чем прежде.

Теперь воины Спартака уже не нападали на укрепления Красса всеми силами, а беспокоили осаждавших мелкими стычками и неожиданными нападениями, забрасывая ров связками хвороста и поджигая их. Все это должно было держать римлян в постоянном напряжении из-за угрозы внезапной попытки прорыва. Одновременно предпринимались действия, способные унижить противника и спровоцировать его на атаку. Так, однажды Спартак приказал предать пленного римлянина позорной казни через распятие на нейтральной полосе между позициями обеих армий. Это была открытая демонстрация отсутствия страха перед военной мощью Рима, лишний повод для насмешек и оскорблений в адрес противника и

намеки на возможное решение судьбы других пленников, но при этом и своего рода послание к собственным воинам: вот что вас ждет в случае окончательного поражения. Красс, убедившись, что рабская война — дело тягостное и серьезное, не принял этот вызов. Он предпочитал выжидать и с презрением отверг предложение вступить в переговоры. Очевидно, Спартак, еще сохранивший под своим командованием значительные военные силы, допускал возможность заключения мира на приемлемых условиях и считал, что римляне могут заплатить за это приличную цену. В чем заключалась суть его переговоров с Крассом? Может быть, отчасти некоторый свет на этот вопрос проливает сообщение Тацита, который вспомнил эту попытку со стороны Спартака в связи с другим «дезертиром и разбойником» — Такфаринатом. Видимо, и в том и в другом случае люди надеялись обрести свободу и землю. В частности, Такфаринат, угрожая бесконечной войной в африканской провинции Нумидия, требовал заключения мира и уступки территории, на которой он мог бы осесть со своим войском¹², но, так же как и его предшественник, получил решительный отказ (Тас. Ann. III. 73). Тогда «величие и могущество римского народа» не позволили принять решение, которое становится таким легким в эпоху упадка Римской империи, когда

---

¹² В этой связи можно вспомнить, что Ганнибал после вторжения в Италию, говоря о наградах, на которые могут рассчитывать его воины после завершения войны, прежде всего упомянул землю и свободу от повинностей, поставив деньги на второе место (Liv. XXI. 45. 5).

тысячи варваров в качестве союзников-федератов получали земли в пограничных областях за несение там военной службы.

Между тем зима 72/71 г. до н. э. шла к концу. Дождавшись особенно бурной ночи, когда снежная пелена скрыла от глаз римских часовых подходы к укреплениям, Спартак приказал засыпать часть рва землей, ветками, телами убитых пленников и трупами павших лошадей. Очевидно, одновременно были предприняты одна или несколько ложных атак силами тех, кто оставался на Регийском полуострове, чтобы сдерживать Красса. Тем временем Спартак успел перевести через ров третью часть своего войска. При чем это была лучшая и наиболее мобильная его часть, поскольку Аппиан сообщает, что он готовил к прорыву конный отряд и решил пойти на риск, когда всадников было уже достаточно (App. Bell. Civ. I. 119—120)¹³. Видимо, перед этим был отдан приказ подготовить запасы пищи и фуража, реквизировать всех пригодных для использования в кавалерии коней, имеющих на полуострове. Прежде всего данная мера должна была коснуться окрестностей городов Гиппоний и Медма, которые славились пригодными для коневодства прекрасными цветистыми лугами. Очевидно, прорыв был осуществлен в феврале, поскольку начинать решительные военные действия задолго до наступления весны не имело смысла. До сих пор в этом месяце на юг Италии и Сицилию нередко

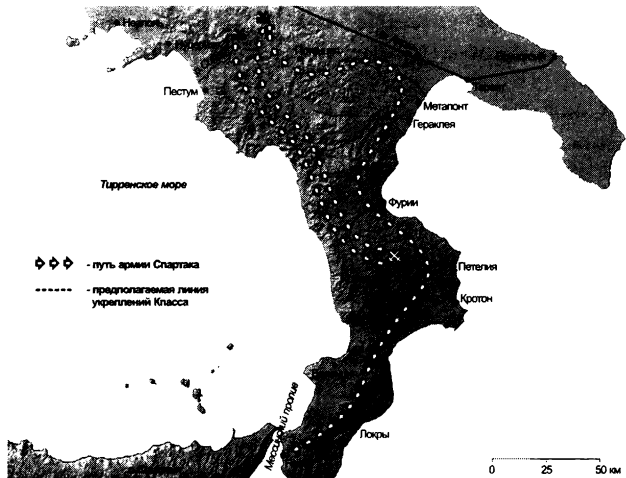
---

¹³ Этот эпизод отражает большую роль конницы в армии Спартак в сравнении с традиционным соотношением пехоты и кавалерии в римском легионе.

обрушиваются мощные снежные бури, иногда не прекращающиеся целые сутки, как это было совсем недавно, 18 февраля 2008 г.

Создается впечатление, что таким образом была реализована еще одна военная хитрость, которая ставила Красса перед необходимостью действовать более решительно. В любом случае тот оказывался в невыгодном положении. Огромные земляные работы, проведенные его легионами, оказались теперь совершенно бесполезными. Если римская армия оставалась на прежних позициях, скованная большей частью восставших, то Спартак со своим отрядом получал полную свободу действий. Если же нет, то для римлян возникала угроза нанесения удара с двух сторон. Недолго думая, Красс бросил ненужные теперь укрепления и двинулся вслед за Спартаком, так как для него важно было обеспечить себе численное превосходство в предстоящей битве. Он уже жалел, что ранее писал сенату, предлагая ради достижения быстрой победы вызвать в Италию войска других полководцев: из Фракии — Марка Лициния Лукулла, а из Испании — Гнея Помпея. Слава победителя медленно ускользала из рук Красса, поэтому нужно было спешить окончить войну с мятежниками до появления возможных конкурентов. В противном случае успех был бы приписан тому из них, кто явится к нему на помощь.

Стремительный конный рейд воинов Спартака был направлен к Брундизию, большому порту на Адриатическом море с несколькими прекрасными гаванями, вмещавшими до двухсот кораблей (рис. 39). Захват Брундизия до начала навигации позволил бы

Рис. 39. Карта действий армии Спартака зимой-весной 71 г. до н. э.

воспрепятствовать возможной высадке легионов Марка Лукулла, спокойно дожидаться подхода подкреплений, посадить воинов на корабли и переправить их в Эпидамн или Диррахий, расположенный на расстоянии около 260 км от Италии. Оттуда открывался путь в Грецию или на север Балканского полуострова. Возможно, конечной целью в данном случае представлялся восточный театр военных действий, где у восставших рабов еще оставался потенциальный союзник — непримиримый враг Рима Митридат VI Евпатор. Однако попытка захватить хорошо укрепленный порт так и не была предпринята. Видимо, получив предварительные данные разведки, Спартак счел ее

бесперспективной. Как быстро можно было перевести Брундизий на военное положение, наглядно продемонстрировал позднее Гней Помпей, ожидая подхода войск Юлия Цезаря в 49 г. до н. э. Он «приказал укрепить городские ворота и поставить на стены наиболее проворных воинов... а весь город внутри стен избородить рвами и на всех улицах, кроме двух... вбить острые колья» (Plut. Pomp. 62).

Аппиан выдвигал следующую причину отказа восставших от первоначальных намерений: «...когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло» (App. Bell. Civ. I. 120). Конечно, римским историком, писавшим более чем двести лет спустя после описываемых событий, здесь допущена ошибка. Надо сказать, что она далеко не единственная, поскольку у Аппиана часто встречаются неудачные согласования различных версий, путаница в фактах и небрежность в отношении хронологии. Его информация о восстании Спартака при всей ее ценности порой представляет собой своего рода «нарезку эпизодов», иногда разделенных значительными промежутками времени. Что касается победителя Митридата Луция Лукулла, то в это время он находился в Малой Азии и не покидал театра военных действий. Но дело в том, что и его брат, Марк Лукулл, тоже вряд ли мог высадиться в Брундизии со своей армией в конце зимы—начале весны 71 г. до н. э. Во-первых, из-за плохих погодных условий это время не очень подходит для переправы крупных

военных сил¹⁴, во-вторых, на год, когда завершилась тяжелая Македонская война, падает слишком много событий, чтобы уложить их в пределы всего двух, к тому же зимних, месяцев. Длинный список деяний Марка Лукулла в 71 г. до н. э. приводит Евтропий: война с бессами и победа над ними в большом сражении у горы Гемы, осада и захват города Ускудам, в котором жило это племя; взятие Кабилы и поход к Дунаю, а затем ко многим городам, расположенным у Понта. В итоге Лукулл опустошил Аполлонию, взял Каллатиды, Парфенополь, Томы, Истр, Бурупаны и только тогда, закончив войну, возвратился в Рим (Eutr. VI. 8.1). Хронологию этих событий уточняет декрет в честь Гая Корнелия, начальника римского гарнизона в Месембрии зимой 72/71 гг. до н. э. Из текста декрета мы знаем, что армия Марка Лукулла задержалась здесь, видимо, из-за осады расположенной в 25 км южнее Аполлонии¹⁵. Только после завоевания этого города римский полководец смог двинуться дальше на север вдоль побережья Черного моря. Если бы он действительно перебросил свои войска в Брундизий, то при стремлении римлян быстрее завершить позорную рабскую войну было бы странным полное бездействие крупных воинских сил, ока-

---

¹⁴ Состоявшаяся в начале января 48 г. до н. э. переправа Юлия Цезаря с пятью легионами из Брундизия на Балканский полуостров, когда «пора бурь и ветров на море, и даже богу невозможно смирить силой стихию» (Plut. Caes. 37), была абсолютно уникальной десантной операцией.

¹⁵ См.: *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. С. 166.

завшихся близ театра военных действий почти за полтора месяца до их окончания. К тому же, кроме противоречивого сообщения Аппиана, о появлении Лукулла в Италии не упоминает ни один античный автор. Собственно, в его легионах и не было особой нужды после возвращения из Испании армии Гнея Помпея.

Когда надежда на захват римских кораблей в гавани Брундизия растаяла, намерения Спартака сразу резко изменились: он вновь сделал своей главной целью разгром Красса. Плутарх сообщает о раздорах, очевидно мнимых, среди руководства повстанцев, в результате чего от основных сил армии Спартака отделился отряд под командованием Гая Канниция¹⁶ и Каста, разместившийся в укрепленном лагере у Луканского озера. Скорее всего, этот топоним можно сопоставить с почти высохшим озером Муро Лукано в 30 км к северо-западу от г. Потенца (рим. Потенция). Кстати, Орозий, видимо более точно, называет отряд Канниция и Каста вспомогательным войском Спартака (*Oros. V. 24. 6*). Тит Ливий определяет его численность минимум в 35 000 человек, дополнительно указывая, что это были галлы и германцы (*Liv. Per. 97*). Такие силы несопоставимы с третьей войска, введенной Спартаком с Регийского полуострова. Возможно, это была та часть армии восставших, которая вырвалась из бруттийской ловушки позднее и шла на соединение согласно заранее разработанному плану.

---

¹⁶ У Тита Ливия и Юлия Фронтиня этот предводитель восставших именуется Ганником. Судя по имени, он был выходцем из романизированной Цизальпинской Галлии.

Вскоре лагерь у Луканского озера подвергся успешному нападению со стороны Красса, но внезапное появление воинов Спартака остановило бегство охваченных паникой людей¹⁷. Красс был вынужден отступить, но ненадолго. Выждав некоторое время, он снова решил напасть на отряд Канниция и Каста, но, чтобы на этот раз предотвратить возможную помощь им, разместил свои силы в двух укрепленных лагерях, расположенных вплотную к полевым укреплениям своих разделившихся противников.

Последовавшее сражение было единственным в ходе этой военной кампании, в отношении которого мы имеем сведения, дающие достаточно достоверную картину его развития во времени и пространстве. Под покровом ночи Красс вывел из лагерей все войско, оставив в большем, находившемся близ позиций Спартака, свою палатку главнокомандующего, чтобы ввести врагов в заблуждение. Часть легионеров укрыли в засаде у подножия ближайшей небольшой горы. Одновременно Луций Квинкий получил приказ разделить вверенную ему конницу на два отряда. Задачей одного из них было отвлечь на себя войско Спартака, другой должен был вступить в сражение со стоявшими отдельно галлами и германцами, притворным бегством заманить их подальше и поставить под удар основных сил Красса. Чтобы усилить свои позиции и произвести нападение сразу с нескольких сторон, римский полководец отправил 12 когорт с легатом Гаем

---

¹⁷ Как справедливо заметил Ж. Бриссон, «Спартак никогда не представлял такие будто бы отколовшиеся части их собственной участи» (*Brisson J. P. Spartacus. P. 236*).

Помпонием и Квинтом Марцием Руфом в обход горы, на один из окрестных холмов, «с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться туда незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался... в опасном положении». Но было уже поздно. Развернулось, как писал Плутарх, «самое кровопролитное сражение за всю войну» (Plut. Crass. 11). В решающий момент масса отступавших в беспорядке всадников Квинкция разделилась, отойдя на фланги, и перед воинами Канниция и Каста неожиданно появились стройные ряды римской пехоты, с криком ринувшейся вперед, а с тыла также с громким криком уже приближались когорты Гая Помпония. Несмотря на стойкое сопротивление — из 12 300 погибших повстанцев¹⁸ только двое были ранены в спину, — потери в условиях предстоящего последнего напряжения сил повстанцев в борьбе с Римом были ужасающими.

Что касается Красса, то теперь ему было чем отчитаться перед сенатом: он сумел вернуть захваченные у римлян в прошлых битвах пять легионных орлов, двадцать шесть воинских значков более мелких подразделений и много других трофеев, в том числе пять ликторских пучков фасций с топорами¹⁹. О масштабах поражений, в которых они были утрачены, в

---

¹⁸ Все говорит о том, что в данном случае мы имеем дело с достоверными официальными данными.

¹⁹ Следует учитывать, что, скорее всего, это лишь часть добытых в свое время трофеев воинов Спартака.

глазах самих римлян в сравнительном плане можно сделать вывод на основании письма, направленного Цицерону Сульпицием Гальбой после победы над Марком Антонием в 43 г. до н. э.: «Два орла и шестьдесят знамен были захвачены — все Антония! Это было выдающееся достижение» (Cic. Epist. 10. 30).

После неудачи у Луканского озера Спартак решил отступить на юго-восток к Петелийским горам в области Бруттий, где он надеялся получить передышку и пополнить свои потрепанные легионы. Красс прекрасно понимал, что в этом случае война затянется и скоро ему придется передать свои полномочия Помпею, который уже получил от сената соответствующее назначение. Преследовать отступавших доверили легату Квинту Аррию и квестору Гнею Скрофе, которые, видимо, совершенно утратили чувство опасности. Свою задачу сковать силы восставших мелкими стычками и дожидаться подхода основной части армии Красса они не выполнили. Когда Спартак прекратил отступление и сам атаковал римлян, те «бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора» (Plut. Crass. 11). Судя по тому, что позднее, после разгрома Спартака, Красс обнаружил в его лагере три тысячи пленных римских граждан, захвачены они были именно в том злополучном для них сражении. Соответственно, можно утверждать, что Спартак уничтожал пленных только в исключительных случаях.

Этот временный успех погубил беглых рабов, совершенно вскружив им головы. По словам Плутарха, они «...теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим началь-

никам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян» (Plut. Crass. 11). Свой последний лагерь Спартак разбил у истоков р. Силар в Апеннинах²⁰, на границе Кампании и Лукании. Местность, которую он выбрал для сражения, давала определенные преимущества, поскольку в тылу находились горы, куда можно было отойти в случае неудачи, а повышение рельефа поверхности земли в сторону боевых позиций восставших создавало для римлян в случае их атаки дополнительные трудности. Красс, подошедший сюда позже, не решился сразу сразиться со своим противником, отдав приказ возводить полевые укрепления и обносить их рвом. Начавшимся земляным работам препятствовали воины Спартака, своими нападениями стремившиеся перевести военное противостояние в активную фазу. Это означало, что их предводитель решил рискнуть, вместо того чтобы прибегнуть к испытанной тактике осмотрительного выжидания. Видимо, он настолько жаждал битвы, что отказался от более сильной позиции на склонах высот и выдвинул войско вперед, на равнину. На языке римского военного искусства такой маневр соответствовал предложению неприятелю сражения при равных условиях. Как правило, такое происходило, когда командующий был уверен в безусловном повиновении своего войска.

---

²⁰ Истоки реки Силар (совр. Селе), впадающей в Тирренское море, находятся на расстоянии около 170 км к юго-западу от Брундизия.

Скоро обе стороны накопили достаточно сил для решающего столкновения за счет подходивших подкреплений, видимо, представлявших собой отряды, посланные для заготовки продовольствия и фуража. Наконец Спартак и Красс, по разным причинам заинтересованные в том, чтобы завершить затянувшийся военный конфликт до прибытия армии Помпея, построили свои легионы для битвы²¹. Можно попытаться приблизительно определить время дня, когда это произошло. Армия Красса прибыла к истокам р. Силар после дневного перехода, продолжительность которого мы не знаем, но, в любом случае, солдаты могли подойти к месту, намеченному для лагеря, не ранее часа пополудни. Работы по возведению укреплений, обычно занимавшие 3—5 часов, завершить не удалось. Таким образом, сражение могло начаться только за 3—4 часа до захода солнца²². Впрочем, согласно утверждению римского военного теоретика Вегеция (кон. IV—нач. V в.), решительное столкновение между противниками в открытом бою обычно продолжалось около 2—3 часов (Veget. III. 9).

---

²¹ Эта битва, очевидно, произошла не позднее конца марта—начала апреля 71 г. до н. э., если учесть, что, согласно Аппиану, Красс окончил «гладиаторскую войну в шесть месяцев» (App. Bell. Civ. I. 121). Для утверждения А. А. Мотус о том, что последний поход Спартака «происходил, если считать со времени прорыва римских укреплений в Бруттии, с лета по середину (или конец) осени 71 г. до н. э.» (Мотус А. А. Один эпизод из Спартаковской войны... С. 50), нет никаких оснований.

²² В начале апреля солнце в этой части Италии встает незадолго до 06.00 и садится около 18.30.

Если говорить о численности войска Спартака на тот момент, то представляется достаточно правдоподобной цифра, которую приводит Веллей Патеркул (ок. 19 до н. э.—31 н. э.). Он утверждал, что в последнем сражении против Красса участвовало 49 000 воинов (Vell. Pat. II. 30. 5)²³, хотя с учетом потерь Спартака в предшествующих боях и это число кажется завышенным. В любом случае силы противоборствующих сторон были примерно равны, иначе в адрес Красса не раздавались бы обвинения в том, что он «торопился дать решительное сражение, забывая об осторожности» (Plut. Crass. 36). Впрочем, этот упрек справедлив еще и потому, что вступать в бой, не завершив возведение лагерных укреплений, было действительно безрассудно. Однако Красса толкало на заведомый риск отчаянное стремление к победе и честолюбивое опасение, как бы не подоспел Помпей, с которым придется делить военную славу.

С моментом, предшествовавшим столкновению, связан носящий почти фольклорный оттенок рассказ о том, как вождю рабов «подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем» (Plut. Crass. 11). Очевидно, мы имеем здесь донесенный до нас Плутархом типичный пример интерпретации очевидцами с римской стороны сцены, истинный смысл которой остался для них скрытым из-за незнания поведения,

---

²³ По крайней мере, такая цифра фигурирует в образцовом издании «Римской истории» Веллея Патеркула, принятом Ж. Эллегуаром в 1983 г.

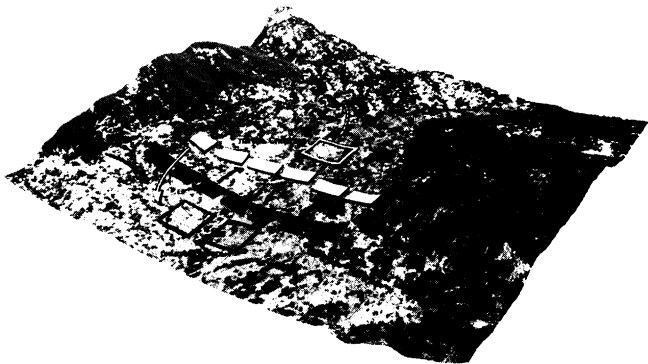
предусматриваемого другой культурой. Римский военачальник вполне мог театральным жестом отослать своего коня, чтобы продемонстрировать личное мужество и поднять моральный дух своих солдат. У вождя фракийского происхождения могли быть совершенно иные мотивы. Конечно, наши сведения о ритуальном и религиозном поведении фракийцев довольно ограничены, но все же представляется более реальным объяснить подобные действия существованием обычая приносить в жертву коня прямо перед строем готовых вступить в бой воинов (Flor. IV. 12. 15)²⁴.

Судя по всему, Спартак лично возглавил отборный отряд конницы и занял место на фланге передовой линии боевого построения. Это должно было вселить уверенность в души людей, веривших в военный талант своего предводителя, который делил с ними все тяготы походной жизни и находил выход из любой ситуации. Вступив в бой на открытой местности в правильном строю, повстанцы, видимо, скоро подались назад, не в силах остановить натиск римских солдат (рис. 40). Тогда Спартак сделал явную ставку на кавалерийский прорыв в тыл врага к ставке Красса²⁵, вероятно, полагая, что его смерть может повлечь за собой смятение и панику и тогда римляне окончательно утратят боевой дух и веру в победу.

---

²⁴ Ср.: *Kamienik R.* Zwei Episoden aus der Geschichte des Spartacusaufstandes. S. 42—43.

²⁵ Именно так поступил Гней Помпей в 83 г. до н. э., когда возглавил атаку конницы и поразил дротиком галльского вождя.

Рис. 40. Битва 71 г. до н. э. у истоков реки Силар.
Реконструкция хода сражения

Плутарх писал: «Ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов»²⁶ (Plut. Crass. 11). Очевидно, римский полководец вновь применил испытанный прием, введя в бой резерв, поставленный в засаду под углом к одному из флангов²⁷. Таким образом, он мог отрезать конницу восставших и самого Спартака от основной массы его продолжавшей отступать пехоты. Детали

---

²⁶ Этот факт ярко характеризует личную воинскую доблесть Спартака, поскольку в римской армии младшими командирами — центурионами — становились наиболее храбрые и опытные солдаты.

²⁷ Подобный маневр предпринял позднее Юлий Цезарь при Фарсале, чтобы нейтрализовать действия конницы Помпея (Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 380).

этого эпизода сражения донес до нас текст Аппиана: «Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его» (App. Bell. Civ. I. 120). Даже Флор, не испытывавший к рабам никаких симпатий и крайне тенденциозно излагавший ход войны с ними, был вынужден отдать должное исключительному героизму Спартака и его соратников: «..они решили пробиться и пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, — чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал как полководец» (Flor. II. 7). Тело его так и не было найдено.

Вполне вероятно, дополнительный свет на обстоятельства гибели Спартака проливает фрагмент фрески, обнаруженной в Помпеях в 1927 г. Она происходит из принадлежавшего жрецу Аманду небольшого домика, построенного лет за полтора до гибели города в результате извержения Везувия. Фреска, украшавшая дом на заре его существования, обнажилась случайно, когда в коридоре обвалилась поздняя штукатурка. Частично поврежденное изображение включало две сцены, которые, если следовать направлению сопровождающих его надписей, надо рассматривать справа налево. Тогда в первой сцене оказываются два всадника в шлемах, один из которых настигает обернувшегося противника и вонзает копье ему в бедро. Над головой преследователя частично сохранились буквы, которые А. Майюри расшифровал как «Феликс из Помпей». Возле другого всадника, вооруженного коротким мечом и большим круглым щитом,

Рис. 41. Прорисовка фрески из Помпей
с изображением Спартака

надпись «Спартакс» (рис. 41). Далее слева, во второй сцене, — два сражающихся пеших воина. Обращает на себя внимание фигура одного из воинов, представленного без шлема и в довольно неестественной позе. Можно предположить, что он ранен в ногу, но, несмотря на тяжелое состояние, продолжает отбиваться от врага (рис. 42). Таким образом, некий Феликс из Помпей вполне мог увековечить свой подвиг в последнем сражении рабской войны.

После смерти Спартака его войско отступило в относительном порядке и преследование со стороны римлян, видимо, из-за наступления темноты, возобновилось не сразу. По данным Аппиана, убитых рабов, оставшихся на поле боя, было столько, что точное

Рис. 42. Последний бой Спартака (по: Fields, 2009)

число их никто не мог установить, тогда как римляне насчитали всего тысячу своих погибших солдат (App. Bell. Civ. I. 120). На цифре римских потерь стоит остановиться особо. Ей можно доверять, и она вполне соответствует напряженному кровопролитному сражению. Вспомним, что столько же легионеров Юлия Цезаря погибло в 45 г. до н. э. на юге Испании при Мунде, в самой жестокой и, может быть, опаснейшей из всех битв этого известного полководца²⁸. Недаром

---

²⁸ В сравнительном плане с известной долей скепсиса можно упомянуть потери римлян в ряде крупнейших

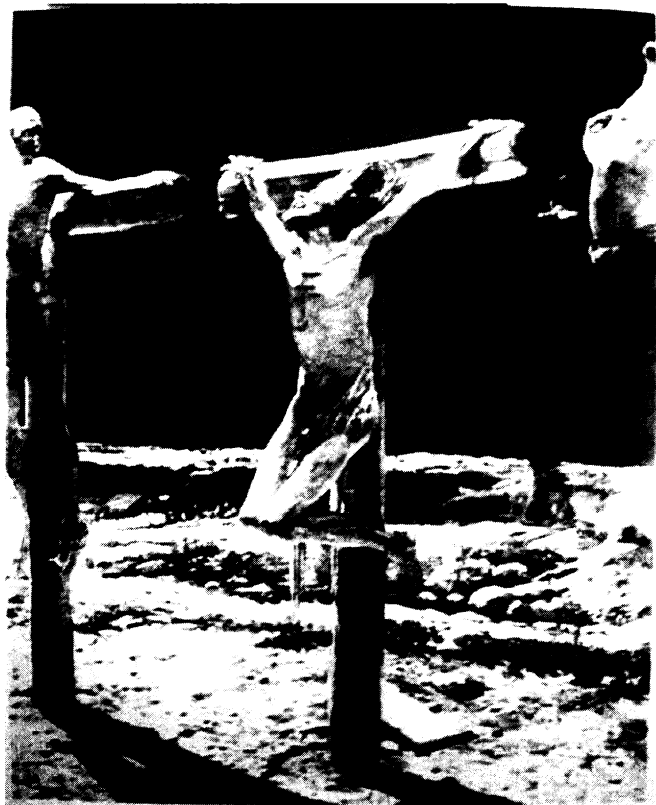
после нее он сказал своим друзьям, что «часто сражался за победу, теперь же впервые сражался за жизнь» (Plut. Caes. 16). Что касается количества погибших в сражении у р. Силар воинов Спартака, то приведенная Титом Ливием цифра — 60 000 человек (Liv. Per. 97) — представляется непомерно завышенной. Считается, что в битвах с участием римской пехоты на поле боя погибало не более половины разбитой армии²⁹. Тот же Аппиан писал, что многие спартаковцы успели скрыться «в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением шести тысяч», попавших в плен (App. Bell. Civ. I. 120). В этом можно видеть указание на то, что в заключительной фазе столкновения с Крассом участвовали четыре легиона восставших, продолжавших сражаться в правильном строю. Как и многие утверждения Аппиана, фраза «погибли все» в данном случае явно является гиперболой³⁰. О судьбе уцелевших

сражений: 700 убитых при Киноскефалах, 350 при Магнезии, 100 при Пидне и 230 при Фарсале (Polyb. XVIII. 27; Liv. XXXVII. 44; Plut. Aem. 21; Caes. De bello civ. III. 99).

²⁹ Сабин Ф. Лик римской битвы. С. 194—196; *Gabriel R. A., Metz K. S. From Sumer to Rome: The Military Capabilities of Ancient Armies*. P. 83—91.

³⁰ Если учесть, что в результате предшествовавшей победы Красса над отрядом Канниция и Каста в сражении, которое Плутарх назвал самым кровопролитным в этой войне, потери армии Спартака составили 12 300 человек, то в битве, где он погиб, не могло быть большего числа убитых. Кстати, тот же Плутарх в биографии Помпея, хотя, возможно, это просто повтор, но достаточно показательный,

Рис. 43. Николай Ге. Распятие (1894)

говорит, что Красс в своей последней битве этой войны «уничтожил двенадцать тысяч триста вражеских воинов» (Plut. Crass. 21).

Рис. 44. Аппиева дорога

повстанцев Орозий написал следующее: «...остальные, те, кто, ускользнув из той битвы, бродили [по Италии], в ходе многочисленных облав были уничтожены различными полководцами» (Oros. V. 24. 8).

Естественно, восставшие и вновь плененные рабы не могли рассчитывать на милость торжествующих победителей. Их ожидала мучительная смерть на крестах, установленных вдоль Аппиевой дороги, протянувшейся от Капуи, где началось восстание, до ворот столицы (рис. 43, 44). На основе несложных расчетов можно представить себе эту уходящую за горизонт цепочку крестов, отстоявших друг от друга на расстояние немногим более 30 м. С точки зрения рим-

ского менталитета, крайняя необходимость такой расправы была очевидна и не несла в себе ничего ужасного, ведь это были преступники, пытавшиеся нарушить привычный порядок вещей. Красс скорее мог пожалеть хищную мурену³¹ из числа тех, что он разводил в принадлежавших ему рыбных садках. Известно, что по случаю гибели одной из таких своих любимиц он даже облачился в траур. В его жестоком приказе о казни через распятие вполне могли бы прозвучать слова, которые Тит Ливий вложил в уста Сципиона Африканского по поводу жителей испанского Илитургиса: «Мы... наказываем их за вероломство, жестокость и злодейство. Наступил момент отомстить за гнусное избиение наших соратников... Пусть останется в веках суровый пример, чтобы никто никогда, ни при каких обстоятельствах, не осмелился обидеть римского гражданина или воина...» (Liv. XXVIII. 19. 8).

Разгром восставших довершил Помпей, полностью истребив в Этрурии их пятитысячный отряд, отошедший на север после сражения с Крассом³².

---

³¹ Мурена — рыба семейства угревых с очень сильными челюстями и острыми зубами, достигает в длину 3 м и весит до 10 кг. Ее мясо особенно ценилось древними римлянами.

³² Поскольку большинство спартаковцев остались на юге Италии, а этот отряд, по численности равный легиону, двигался в другом направлении, можно предположить, что он был набран в Цизальпинской Галлии или это следует рассматривать как попытку реализовать план ухода с Апеннинского полуострова.

Превознося свои заслуги, с чувством исполненного долга Помпей писал сенату: «В открытом бою беглых рабов победил Красс, я же уничтожил самый корень войны» (Plut. Crass. 11). Эти слова еще больше подстегнули давнее соперничество двух политиков. Ведь еще до событий Спартаковской войны Красса «мучило, что Помпей достиг замечательных успехов, предводительствуя войсками, что он получил триумф до того, как стал сенатором, и что сограждане прозвали его Магном, то есть Великим. И когда однажды кто-то сказал, что пришел Помпей Великий, Красс со смехом спросил, какой же он величины» (Plut. Crass. 7).

Сторонники и противники обоих полководцев в сенате долго и бурно обсуждали вопрос о том, кого же из них можно считать победителем. В конце концов почести достались Крассу, но его надежды на желанный лавровый венок большого триумфа не оправдались. Теперь, когда угроза миновала, возобладало мнение, что война велась с недостойным противником и такой легкой победе больше подходит «зелень Венеры», т. е. венок из мирта. Дело было в том, что, с точки зрения римского права, враги — это те, кому римский народ объявляет официальную войну или они сами объявляют ее римскому народу, а беглые рабы — это всего лишь разбойники и грабители. В итоге Крассу был назначен малый триумф, или так называемая орация с награждением именно миртовым венком. Такое отличие предполагало следующее: одетый в тогу победитель въезжал с Форума на Капитолий не в триумфальной колеснице, а верхом на лошади или даже шёл пешком с венком на голове в сопровождении флейтистов и затем у главной город-

Рис. 45. Рельеф со сценой жертвоприношения
на переносном алтаре перед храмом
Юпитера Капитолийского

ской святыни — храма Юпитера Капитолийского — приносил в жертву богам овцу (рис. 45). Единственным поощрением сверх традиционной программы, которого сумел добиться для себя Красс, стало вынесение, с учетом заслуг в деле спасения Отечества, специального сенатского постановления об увенчании его все-таки лавром, а не миртом³³.

Тем не менее все прекрасно понимали, какой серьезной опасности удалось избежать государству, ведь завершилась настоящая война, сплотившая более чем на два года все враждебные Риму силы на земле Италии. Конечно, римская военная машина была еще достаточно жизнеспособна, но восстание Спартака показало, что традиционные властные структуры республики в условиях существования многочисленного рабского окружения слишком слабы и неэффективны. С задачей укрепления основ социального порядка удалось справиться позднее только Римской империи. Если суммировать данные античных авторов об этой войне, то получится, что армия Спартака в столкновениях с римскими войсками одержала одиннадцать побед и захватила, по крайней мере, четыре города. Размах событий, связанных с этим движени-

---

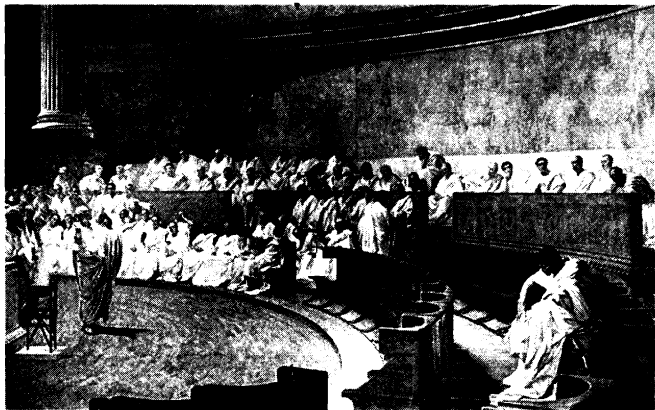
³³ Позднее непомерное честолюбие Красса и его желание сравняться воинской славой со своими коллегами по триумvirату Помпеем и Цезарем подвигло победителя Спартака на войну с Парфией. В 53 г. до н. э. он погиб в сражении при Каррах, и его отрубленная голова была использована как театральный реквизит в трагедии Еврипида «Вакханки», на представлении которой присутствовали парфянский и армянский цари.

ем, показал, каких высот может достичь воинское искусство военачальника из варварской среды, прошедшего римское военное обучение. В числе усовершенствований, внесенных им в римскую военную организацию, можно отметить усиление роли кавалерии и легковооруженных частей, стремление сделать армию более маневренной, обеспечить своевременное получение за счет хорошо организованной разведки оперативной информации о противнике. Будучи великолепным тактиком, Спартак с успехом использовал засады применительно к условиям местности и в любой критической ситуации демонстрировал образцы умелого маневрирования. Не случайно примеры, связанные с его именем, позднее были включены в трактат Юлия Фронтинна «Стратегемы» как образцы преодоления в ходе военных действий неблагоприятных обстоятельств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЭХО ВОССТАНИЯ

Спартак погиб, но еще долго в Южной Италии, где в лесах и горах скрывались разрозненные группы его бывших воинов, тлели искры великого пожара, зажженного человеком, ставшим легендой. О новой вспышке войны беглых рабов по поводу событий 70 г. до н. э. в районе бруттийских городов Темеса и Валенция упоминает Цицерон во второй речи против Гая Верреса (Cic. In Verr. V. 15. 38—39; 16. 40). О том, что это движение имело продолжение, свидетельствует отправка в Бруттий в 63 г. до н. э. из Рима специальной карательной экспедиции Квинта Метелла Критского. Видимо, он не добился какого-либо серьезного успеха, поскольку уже на следующий год мятежники объединили свои усилия, захватили город Фурии и долго удерживали его под контролем. Видимо, тогда же, учитывая обстановку, сложившуюся на юге Апеннинского полуострова, некоторые участники заговора рвавшегося к власти аристократа Катилины стали привлекать на свою сторону рабов. Цицерон явно вспоминал великую рабскую войну, когда называл главного заговорщика «этим гладиатором»

Рис. 46. Чезаре Маккери. Цицерон, произносящий речь против Катилины (1888)

(Cic. Cat. I. 12) и говорил о том, что «в школе гладиаторов не найдется ни одного человека с преступными намерениями, который не объявил бы себя близким другом Катилины» (Cic. Cat. II. 5. 9) (рис. 46). Возможный конечный итог выступления Катилины и его сторонников великий оратор, явно сгущая краски, представлял как победу рабов: «Если бы они сделались консулами, диктаторами, царями, им все-таки неминуемо пришлось бы уступить все это какому-нибудь беглому рабу или гладиатору» (Cic. Cat. II. 9. 19). Впрочем, скоро основания для подобных параллелей исчезли. В 62 г. до н. э. Катилина погиб, а последних сподвижников Спартака по чрезвычайному поручению сената уничтожил специально присланный из столицы отряд пропретора Гая Октавия, отца

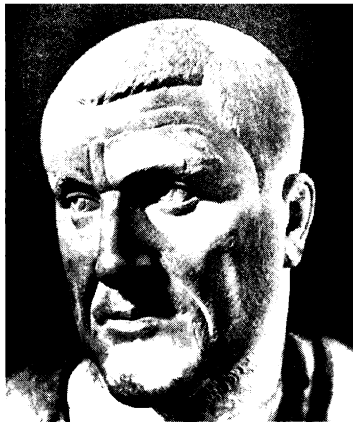
будущего императора Октавиана Августа. И все-таки выступления против римских властей людей, сражавшихся на арене амфитеатров, не стали лишь достоянием прошлого. Правда, масштабы более поздних событий были совершенно другие. Еще одно восстание гладиаторов произошло при Нероне в 64 г. н. э., когда бойцы из Пренестинской шко-

лы в маленьком городке недалеко от Рима, наверняка наслышанные о Спартаке и его товарищах, предприняли неудачную попытку обрести свободу, но были быстро усмирены приставленной к ним бдительной воинской стражей.

Среди видных представителей римского общества имя Спартака традиционно пользовалось дурной славой. Цицерон часто употреблял его как бранное прозвище по отношению к своим политическим противникам, например Марку Антонию (рис. 47). Скоро оно стало нарицательным в ряду прочих, в прошлом грозных, врагов государства. Для Горация (65—8 до н. э.) Спартак ничем не лучше марсов, этрусков и Ганнибала. Юлий Капитолий в биографии императора Максимиана (235—238 н. э.), который был родом из Фракии (рис. 48), характеризуя его как «жестокого зве-

Рис. 47. Марк Антоний.
Портретное изображение
на монете

Рис. 48. Максимин Фракиец.
Мраморный бюст

ря», естественно, не мог упустить возможности сравнения этого правителя со Спартакком.

Нельзя сказать, что отношение к бывшему гладиатору и вождю рабов всегда было только негативным. Напомним, что в свое время Саллюстий обращал внимание на усилия, прилагавшиеся Спартаком, чтобы обуздать бессмысленную жажду уничтожения, которой были

охвачены многие его приверженцы. Позднее благородство души Спартака, запрещавшего в своем лагере кому бы то ни было иметь золото и серебро, отмечал Плиний Старший в нелестном сравнении с развращенными согражданами. Очень высоко оценил душевные качества этого человека Плутарх. Даже Луций Флор, несмотря на всю неприязнь к вождю рабов, воспринимал его смерть, как достойную героического полководца.

Судя по стихам Клавдиана (ок. 370—404), придворного поэта императора Гонория, даже через пятьсот лет после завершения Спартаконской войны, римляне вспоминали впечатляющие поражения консульских армий в войне с восставшими рабами:

Или ты, о Спартак, привычный консулов разгонять отряды.
Нож твой был посильнее меча их...

В том же духе высказывался еще более поздний автор — галло-римский поэт Аполлинарий Сидоний (ок. 430—486):

...Буду ль я говорить о Спартаке?
Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии,
Битвой открытой не раз он сходилась
С консульским войском, у слабых владык отнимая их
лагерь,
Доблесть свою — орлов — потерявших в позорных
разгромах,
Часто оружием восставших рабов разбивал он...

Совсем другие чувства звучат в одном из сохранившихся писем Квинта Аврелия Симмаха (ок. 340—402), известного ревностного защитника древних обычаев и противника христианства, не раз устраивавшего гладиаторские игры, чтобы отметить очередной этап в карьере своего сына. В 393 г., когда тот выдвинул свою кандидатуру на должность квестора, Симмаху пришлось столкнуться с массой сложностей при организации зрелищ. В частности, накануне игры три десятка пленных германцев из племени саксов задушили друг друга, чтобы не появляться на арене. Это был жестокий удар и, по словам Симмаха, ему понадобилась вся его философия, чтобы перенести это несчастье. По поводу мужественного поступка гордых саксов он заявил, что «ничего не хочет слышать об этих негодях, которые оказались хуже Спартака».

Рис. 49. Дени Фуатъе. Спартак (1830)

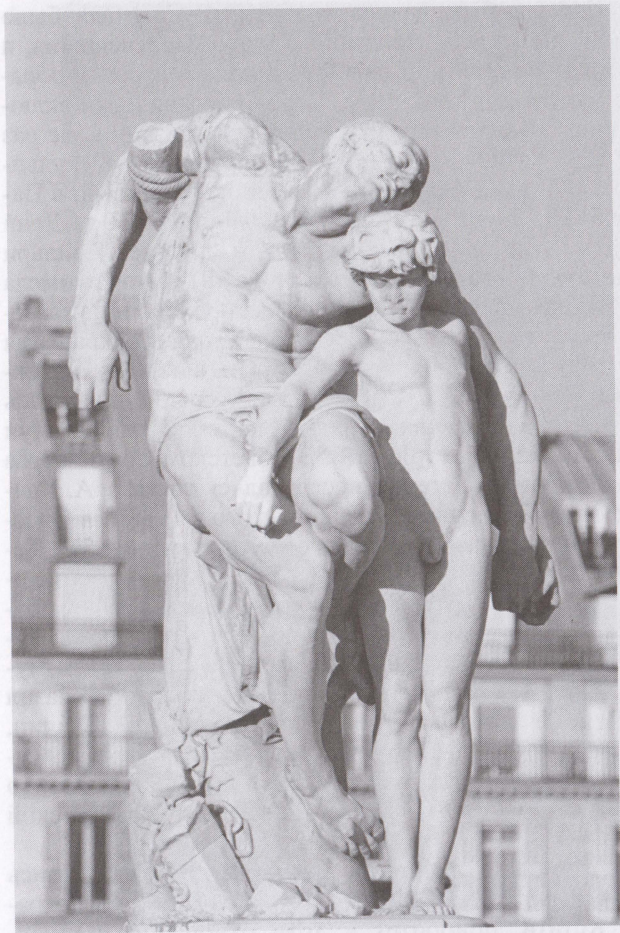

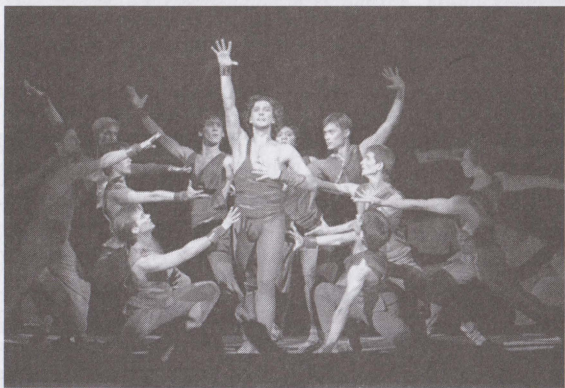
Рис. 50. Луи Эрнест Барриас. Клятва Спартака (1871)

Как уже отмечалось, вновь имя Спартака было извлечено из забвения лишь в эпоху Просвещения, и с этого времени оно навсегда вошло в арсенал образов мировой истории и культуры, органически включенных в контекст современной цивилизации. Не раз эта тема возникала в творчестве французских скульпторов в связи с революционными настроениями в Париже. Накануне Июльской революции 1830 г. Дени Фуатье выставил в королевском дворце Тюильри мраморную статую Спартака (рис. 49), которая имела столь блестящий успех, что ее вскоре сняли из-за необычайного наплыва посетителей ради сохранения общественного спокойствия. Потом, в период Парижской Коммуны 1871 г., в саду Тюильри появилась скульптурная группа «Клятва Спартака» работы Луи Эрнеста Барриаса (рис. 50). В Советском Союзе образ этого античного героя воссоздал скульптор А. Князик, автор памятника, воздвигнутого в 1988 г. в Одессе у стадиона на Итальянском бульваре (рис. 51). Тема восстания римских рабов отразилась и в созданном на музыку Арама Хачатуряна замечательном балете «Спартак», который, начиная с 1956 г., стал частым гостем на лучших сценах мира (рис. 52). В музыкальных образах этого балета композитор отразил собственные впечатления от путешествия по Италии, когда он увидел античные фрески, скульптуры, Коллизей, казармы гладиаторов и те места, где когда-то происходили события, связанные со Спартаконской войной.

Разумеется, восстание Спартака не раз пытались воплотить и в произведениях мирового кинематографа. Кстати, приоритет в этом отношении принадлежит Советскому Союзу. Дело в том, что в 1926 г. на

Рис. 51. Памятник Спартаку в Одессе

Рис. 52. Сцена из балета А. Хачатуряна «Спартак» (1956)

Рис. 53. Кадр из фильма Стенли Кубрика «Спартак» (1960)

Одесской кинофабрике приглашенным за валюту турецким режиссером Э. Мухсин-Беем была предпринята не слишком удачная попытка экранизации романа Р. Джованьоли. Зато огромную известность получил нашумевший в прошлом американский широкоформатный фильм «Спартак» (рис. 53), поставленный Стенли Кубриком в 1960 г. по роману писателя-коммуниста Говарда Фаста. Последнее обстоятельство обеспечило, правда, лишь семь лет спустя, массовый прокат «Спартака» в СССР. Он стал пятым в списке самых кассовых иностранных фильмов советского периода (63 млн. зрителей). На производство полу-

Рис. 54. Кадр из телесериала «Спартак: кровь и песок» (2010)

чившей четыре «Оскара» кинокартины с участием 8,5 тысяч статистов была затрачена астрономическая по тем временам сумма в 12 млн. долларов. Ее собрал знаменитый актер Керк Дуглас, который не только исполнил главную роль, но и выступил в качестве генерального продюсера. Он не раз говорил, что его всегда «привлекала ситуация, когда в центре повествования находится человек, расшатывающий систему и погибающий по ходу дела». Теперь эти события из истории Древнего Рима воспроизводятся в новом историческом сериале «Спартак — кровь и песок», первый сезон которого был запущен в конце января 2010 г. в США (рис. 54).

Надо полагать, данная тема далеко не исчерпана благодаря тому, что в истории жизни вождя восставших гладиаторов, стремившегося до конца отстаивать свои принципы, присутствуют такие общечеловеческие ценности, как нетерпимость к рабству и угнетению, неистовая борьба за то, что является идеалом для всех времен и народов, — счастье и свободу.

SUMMARY

Author attempts to consider available data of literary tradition about Spartacian revolt from the point of view of a military-political situation and military art of that time. In particular, he analyzes favorite receptions of tactics of Spartacus: fight in mountain or cross-country terrains with destruction of opponents one by one, use of ambushes and other military cunning, a skilful combination of defense and attacks. One can make the conclusion that there are no bases for assumption about principle differences between revolt's leaders. As a rule, division of the groups, which were placed in two strengthened camps, was accompanied by coordination of their further actions. Among improvements, which Spartacus has brought in his military organization, it is possible to note strengthening of a role of a cavalry and light armed divisions, aspiration to make army of more maneuverable due to disposal of bulky transports. Examples of other gladiatorial revolt (64 AD) emphasize scope of the events connected with Spartacian movement, turned in the real war which has rallied more than for two years all anti roman forces on the earth of Italy and played certain role in development of military art of a Classical world.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Письменные источники*

Apoll. Sid. — Аполлинарий Сидоний. Письма / Пер. Н. Н. Трухиной // История Древнего Рима. Тексты и документы. Ч. 1. М., 2004.

App. Bell.Civ. — Аппиан. Гражданские войны / Пер. С. А. Жебелева // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

App. Iber. — Аппиан. Иберские войны / Пер. С. П. Кондратьева // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.

App. Mithr. — Аппиан. Митридатовы войны / Пер. Л. Лукомского // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

Athen. — Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевича; Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 2003.

Caes. De bello Gall. — Гай Юлий Цезарь. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Caes. De bello civ. — Гай Юлий Цезарь. О гражданской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.

Cato. De agri cultura — Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. М. Е. Сергеев. М., 2008.

Cic. Cat. I — Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Катилины / Пер. В. О.

Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. I. М., 1962.

Cic. Cat. II — Марк Туллий Цицерон. Вторая речь против Катилины / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. I. М., 1962.

Cic. De harusp. — Марк Туллий Цицерон. Речь об ответах гаруспиков / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.

Cic. Epist. — Марк Туллий Цицерон. Письма / Пер. В. О. Горенштейна. Т. I—III. М.; Л., 1949—1951.

Cic. In Verr. — Марк Туллий Цицерон. Речь против Гая Верреса («О казнях») / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. I. М., 1962.

Cic. Tusc. — Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1975.

Claud. — Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений / Пер. Р. Л. Шмаракова. СПб., 2008.

Dig. — Дигесты / Пер. И. И. Яковкина. М., 1996.

Dio Cass. — Dio's Roman History / English Translation by E. Cary on the Basis of the Version of H. B. Foster. Vol. 1—9. London; N. Y., 1914—1927.

Diod. Sic. — Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. Ч. I—VI. СПб., 1774—1775.

Eutrop. — Евтропий. Бrevиарий от основания города / Пер. Д. В. Кареева и С. А. Сагумцевой. СПб., 2001.

Flor. — Луций Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.

Front. Strat. — Фронтин. Военные хитрости / Пер. А. Рановича. СПб., 1996.

Hor. Sat. — Гораций. Сатиры / Пер. М. Дмитриева // Римская сатира. М., 1989.

Liv. — Тит Ливий. История Рима от основания города / Пер. Г. С. Кнабе и др.; Под ред. М. Л. Гаспарова. Т. I—III. М., 1989—1993.

Iul. Capit. Duo Max. — Юлий Капитолин. Двое Максимов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

Iuv. — Ювенал. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича. СПб., 1989.

Liv. Per. — Тит Ливий. Периохи книг 1—142 / Пер. М. Л. Гаспарова. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993.

Oros. — Павел Орозий. История против язычников / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2004.

Plin. Nat. Hist. — Pliny. Naturalis History. Vol. I—X. London, 1868—1944.

Plin. Sec. Epist. — Плиний Младший. Панегирик императору Траяну / Пер. В. С. Соколова // Письма Плиния Младшего. М., 1983.

Plut. Aem. — Плутарх. Эмилий Павел / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I. М., 1961.

Plut. Caes. — Плутарх. Цезарь / Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.

Plut. Cat. — Плутарх. Катон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. III. М., 1963.

Plut. Crass. — Плутарх. Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.

Plut. De Pyth. orac. — Плутарх. О том, что пифия более не прорицает стихами / Пер. Л. А. Фрейберг // Вестник древней истории. 1978. № 2.

Plut. Pomp. — Плутарх. Помпей / Пер. Г. А. Стратановского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.

Plut. Quaest. Rom. — Плутарх. Римские вопросы / Пер. Н. Брагинской // Плутарх. Моралии. М.; Харьков, 1999.

Plut. Sulla. — Плутарх. Сулла / Пер. В. М. Смирин // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.

Polyb. — Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I—III. СПб., 1994—1995.

Sallust. Hist. — Гай Саллюстий Крисп. История / Пер. В. О. Горенштейна // Саллюстий. Сочинения. М., 1981 (отдельные фрагменты использовались по изданию: C. Sallust. Crispi. Historiarum reliquiae / Ed. B. Maurenbucher. Berlin, 1891).

Strab. — Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.

Suet. Aug. — Гай Светоний Транквилл. Август / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Suet. Caes. — Гай Светоний Транквилл. Цезарь / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Symm. — Симмах. Письма / Пер. И. П. Стрельниковой // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М., 1964.

Syn. De regno — Синезий Киренский. О царстве / Пер. М. В. Левченко // Византийский временник. 1953. Т. 6.

Tac. Ann. — Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. Я. М. Боровского // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л., 1969.

Tac. Hist. — Корнелий Тацит. История / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. Я. М. Боровского // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. II. Л., 1969.

Tertul. De spect. — Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. О зрелищах / Пер. Э. Юнца // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

Val. Max. — Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007.

Veget. — Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.

Vell. Pat. — Веллей Патеркул. Римская история / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.

2. Научная и научно-популярная литература

Басовская Н. И. Спартак. Вечный символ // Человек в зеркале истории. М., 2009.

Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952.

Вэрри Д. Войны античности. М., 2004.

Горончаровский В. А. Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.

Горсков В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. 1972. № 8. С. 82—87.

Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. I. СПб., 1994.

Карышковский П. О. Восстание Спартака. М., 1958.

Ковалев С. И. К вопросу о датировке начала восстания Спартака // Вестник древней истории. 1956. № 2.

Ковалев С. И. История Рима. СПб., 1986.

Кован Р. Римские легионеры 58 г. до н. э.—69 г. н. э. М., 2005.

Колобова К. М. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Коптев А. В. Несколько замечаний о восстании Спартака (публикация на сайте www.ancientrome.ru/publik/kop-tev). 2001.

Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. 1974. № 10.

Короленков А. В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб., 2003.

- Кузищин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // Вопросы истории. 1986. № 10.
- Ле Бозк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.
- Лесков В. А. Спартак. М., 1983.
- Махлаюк А., Негин А. Римские легионы в бою. М., 2009.
- Манникс Д. Идущие на смерть. М., 1994.
- Мишулин А. В. Восстание Спартака в Древнем Риме // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1934. № 76.
- Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936.
- Мишулин А. В. Спартак. М., 1947.
- Молев Е. А. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995.
- Моммзен Т. История Рима. Т. III. СПб., 2005.
- Мотус А. А. Из истории восстания Спартака // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1948. Т. 68.
- Мотус А. А. [Рецензия] // Вестник древней истории. 1966. № 4. Рец. на кн.: *Brisson J. P. Spartacus*. Paris, 1959.
- Мотус А. А. Один эпизод из Спартаковской войны: последний поход Спартака // *Para bellum*. 2001. № 15.
- Негин А. Е. Гладиаторские шлемы // *Para bellum*. 2006. № 26.
- Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.
- Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М., 2007.
- Сабин Ф. Лик римской битвы // *Studia Historica*. 2006. Vol. VI.
- Сергеенко М. Е. Помпеи. М.; Л., 1949.
- Сергеенко М. Е. Простые люди Древней Италии. М., 1964.
- Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000.
- Тарновский В. Гладиаторы. М., 1998.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1986.

Халдеев В. В. Проблемы восстания Спартака в работах Масаоки Дой // Вестник древней истории. 1984. № 4.

Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.

Хлевов А. А. Морские войны Рима. СПб., 2005.

Чернышев Ю. Г. «Кто был ничем, тот станет всем» (к вопросу об идеологии восстаний рабов во II—I вв. до н. э.) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995.

Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

Adcock F. E. Marcus Crassus: Millionaire. Cambridge, 1966.

Armin J. Spartacus: Kampf der Sklavenen. Berlin, 1986.

Bengtson H. Römische Geschichte. München, 1973.

Bodor A. The ethnic and social composition of the participants in the slave uprising led by Spartacus // Spartacus: Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.

Bradley K. R. Slavery and Rebellion in the Roman World. 140—70 BC. Indianapolis, 1998.

Brisson J. P. Spartacus. Paris, 1959.

Brown S. Spartacus. Nottingham, 2004.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. New York, 1952.

Brunt P. A. Italian Manpower, 225 BC—14 AD. Oxford, 1971.

Ciccotti E. Der Untergang der Sklaverei im Altertum. Berlin, 1910.

- Danov Chr.* Zur Geschichte des Spartacusaufstandes // Spartacus: Symposium rebus Spartac gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.
- Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957,
- Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Ubergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompejus, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. B. 6. Königsberg, 1838.
- Gabba E.* Republican Rome: The Army and Allies. Oxford, 1973.
- Gabriel R. A., Metz K. S.* From Sumer to Rome: The Military Capabilities of Ancient Armies. London, 1991.
- Fields N.* The Roman Army: The Civil Wars 88—31 BC. Oxford, 2008.
- Fields N.* Spartacus and the Slave War 73—71 BC. Gladiator rebels against Rome. Oxford, 2009.
- Futrell A.* The Roman Games. Oxford, 2006.
- Grant M.* Gladiators. New York, 1970.
- Guarino L.* Spartaco. Analisi di un mito. Napoli, 1979.
- Guntor R.* Der Aufstand des Spartacus. Berlin, 1984.
- Hopkins K.* Conquerors and Slaves. Cambridge, 1978.
- Junkelmann M.* Das Spiel mit dem Tod. Mainz am Rhein, 2000.
- Kamienik R.* Zwei Episoden aus der Geschichte des Spartacusaufstandes // Spartacus: Symposium rebus Spartac gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.
- Kolendo J.* Comment Spartacus devient-il esclave? // Spartacus: Symposium rebus Spartac gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.
- Marshall B. A.* Crassus: Political Biography. Amsterdam, 1976.
- Masaoki Doi.* Spartacus uprising and ancient Thracia // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1980. Vol. 1.
- Meissner A. G.* Spartakus. Berlin, 1800.

Orena R. Rivolta e rivoluzione. Il «bellum» di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984.

Stampicchia G. La tradizione della guerra di Spartaco da Sallustio a Orosio. Pisa, 1976.

Urbainczyk T. Spartacus. London, 2004.

Ville G. La gladiature en Occident des origines a la mort de Domitien. Rome, 1981.

Vogt J. Struktur der Antiken Sklavenkriege. Wiesbaden, 1957.

Ward A. M. Marcus Crassus and the Late Republic. London, 1977.

Welch K. The Roman arena in Late Republican Italy: A new interpretation // Journal of Roman Archaeology. 1994. № 7.

Winkler M. M. Spartacus: Film and History. Oxford, 2007.

Wisdom S. Gladiators 100 BC – AD 200. Oxford, 2001.

Walbank F. W. Prelude to Spartacus: the Romans in Southern Thrace, 150—70 BC // Spartacus: Symposium rebus Spartac gestis dedicatum 2050 A. Sofia, 1981.

Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Ziegler K. Die Herkunft des Spartacus // Hermes. 1955. Bd. 83.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Анатольевич Горончаровский родился в 1954 г. в г. Ленинграде, в 1976 г. закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 2005 г. — докторскую диссертацию на тему «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э.—середине III в. н. э.». Руководил раскопками таких античных городов Северного Причерноморья, как Илурат и Лабрис (Семибратнее городище), а также первой российской археологической экспедицией на территории Республики Кипр, опубликовал пять монографий и более 140 научных и научно-популярных статей по античной истории и археологии. В настоящее время является ведущим научным сотрудником Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Наемник и гладиатор	10
Глава 2. Уроки истории	53
Глава 3. Побег, ставший войной.	68
Глава 4. От Лукании до Цизальпинской Галлии.	82
Глава 5. Поединок с Крассом.	104
Заключение. Эхо восстания.	151
Summary.	163
Литература	164
Об авторе	173

Серия
«Militaria Antiqua»

В. А. Горончаровский

**СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА:
ВОССТАВШИЕ РАБЫ ПРОТИВ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ**

научно-популярное издание

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 20.12.2010. Формат 70×100 ¹/₃₂
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 1000 экз. Объем 5 ¹/₂ печ. л.
Заказ № 3574

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Обращайтесь за нашими книгами!

Розница и мелкий опт:

«Университетская книга»

Санкт-Петербург, Средний пр., д. 60 (во флигеле)

Тел.: (812) 640-08-71; e-mail: ukniga@sp.ru

Розница:

**Специализированный магазин книг по восточной
тематике «Восточная коллекция»**

Отдельный стенд издательства «Петербургское
Востоковедение»

Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2

Тел.: (095) 637-34-38, 637-74-90

e-mail: east_coll@hotmail.ru

Специализированный книжный магазин

«Университетский книжный салон»

Отдельный стенд издательства «Петербургское
Востоковедение»

Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Тел.: (812) 328-95-11; e-mail: 3286213@mail.ru

Электронный магазин книжной торговли:

<http://ozon.ru>

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА

ВОССТАВШИЕ РАБЫ ПРОТИВ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ

Книга представляет собой всестороннее исследование событий, связанных с потрясшим всю Италию в 73—71 гг. до н. э. восстанием под руководством Спартака. На основе широкого круга источников автор подробно анализирует данные литературной традиции о восстании с точки зрения военно-политической ситуации того времени. Рассматриваются вопросы, связанные с организационной структурой, вооружением, стратегией и тактикой армии Спартака, а также те усовершенствования, которые он внес в усвоенное им римское военное искусство. В ряде случаев дается возможная реконструкция хода сражений и критическая оценка сил противоборствующих сторон. Издание хорошо иллюстрировано и адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся историей и военным делом античного мира.

ISBN 978-5-85803-428-5

МИЛІТАРІА АНТІҚА